

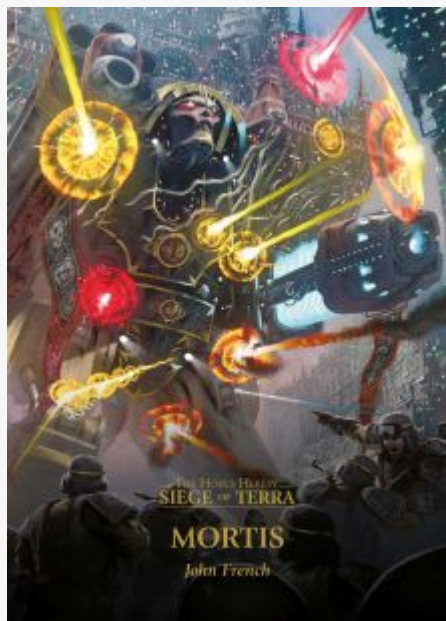
Мортис / Mortis (роман)

Перевод в процессе: 6/23

Перевод произведения не окончен. В данный момент переведено 6 частей из 23.

Мортис / Mortis (роман)

Автор	Джон Френч / John French
Переводчик	Хелбрехт, Ulf Voss
Издательство	Black Library
Серия книг	Ересь Гора: Осада Терры / Horus Heresy: Siege of Terra
Предыдущая книга	Под знаком Сатурна / Saturnine (роман)
Год издания	2021
Экспортировать	PDF, EPUB

Посвящается Карлу Тутту, Эду Брауну и Аарону Дембски-Боудену

□

Содержание

Действующие лица

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ОДИН
ДВА
ТРИ
ЧЕТЫРЕ
ПЯТЬ
ШЕСТЬ

Действующие лица

Император - Повелитель Человечества, Последний и Первый Владыка Империи

Гор - магистр войны, примарх XVI легиона, Возвеличенный Сосуд Хаоса

Примархи

Пертурабо - Повелитель Железа, примарх IV легиона

Джагатай Хан - Боевой Ястреб, примарх V легиона

Рогал Дорн - Лорд Солар, Преторианец Терры, примарх VII легиона

Сангвиний - Великий Ангел, примарх IX легиона

I легион, Тёмные Ангелы

Корсвейн - Сенешаль

Адофель - космический командующий, магистр капитула

Вассаго - Библиарий

Траган - капитан девятого ордена

IV легион, Железные Воины

Кидомор Форрикс - Разрушитель, первый капитан, триарх

V легион, Белые Шрамы

Шибан-хан - Тахсир

VII легион, Имперские Кулаки

Архам - магистр хускарлов

IX легион, Кровавые Ангелы

Баэрон - линейный адъютант южного Мармакса, 78-й опорный пункт

Оцеано - командующий Курдским бастионом, дредноут

XVI легион, Сыны Гора

Аргонис - Немеченый, советник магистра войны

Легио Игнатум, Огненные Осы

Кидон - принцепс-максимус "Империиос Прима", принципал первой манипулы

Баззаний - принцепс-сеньорис "Магнификум Инцендиус", принципал второй манипулы

Клементия - принцепс-сеньорис "Экземплис", принципал четвёртой манипулы

Тетракаурон - принцепс-сеньорис "Регинэ Фурорем", принципал шестой манипулы

Дивисия - модератус "Регинэ Фурорем"

Карто - модератус "Регинэ Фурорем"

Ксета-Бета-1 - технопровидица "Регинэ Фурорем"

Артуса - принцепс "Гелиос", принципал седьмой манипулы

Сентарио - стратегический связной легио

Легио Ордо Синистер

Аурум - первый префект палаты Ориенталис

Кадамия - префект "Ориенталис-Эхион"

Легио Солария Имперские Охотники

Эша Ани Могана Ви - великий магистр, Великая Мать Имперских Охотниц, принцепс "Люксор Инвиктория"

Абхани Люс Могана - принцепс "Бестия Эст"

Дом Виронии

Карадок - отпрыск, пилот рыцаря-церастуса типа "Бичеватель" "Мелия"

Акастия - крепостной, пилот рыцаря-оруженосца "Элат"

Доллоран - крепостной, пилот рыцаря-оруженосца "Киллар"

Плутон - крепостной, пилот рыцаря-оруженосца "Тавмант"

Адептус Механикус

Веторель - посол, представитель генерал-фабрикатора

Кассым-Алеф-1 - магос эмиссар при Рогале Дорне

Геронтий-Чи-Лямбда - магос-эмиссар при легио Игнатум

Нерождённые

Вассукелла - Хор отверженных, Песнь бесконечного восторга, демонический князь Гибельного шторма

Имперская Армия

Ниора Су-Кассен - Солнечный командный штаб, бывший адмирал флотов Юпитера

Насаба - генерал, Инфералтийские гусары, командующий бастиона Осколок

Сулкова - генерал-майор, командная группа бастиона Осколок

Куррал - элитный полковник, командная группа бастиона Осколок

Коул - младший лейтенант, пятый Массианский

Кацухиро - рядовой

Стина - рядовой

Имперские персонажи

Малкадор Сигиллит - регент Империиума

Хеллик Мауэр - боэтарх командного подразделения префекта

Альборн - конрой-капитан, Палатинская горта, командное подразделение префекта

Сольша - лейтенант ополчения командного подразделения префекта

Кирилл Зиндерманн - историк, глава ордена Испрашивающих

Андромеда-17 - воплощённый потомок Селенара

Эуфратия Киилер - святая, бывший летописец

Васкаль - надзиратель, Чернокаменная

Рабы Тьмы

Угент Сай - садовод

Прочие

Актеона

Базилио Фо – заключённый Чернокаменной

Джон Грамматик – логокин

Олл Перссон

Лидва – легионер

Догент Кранк – (61-й Нуминский, бывший)

Бейл Рейн – (61-й Нуминский, бывший)

Графт – рабочий-сервитор

Гебет Зибес

Кэтт

Уснуть... и видеть сны? Вот и ответ.

Какие сны в том смертном сне приснятся,

Когда покров земного чувства снят?

Вот в чем разгадка. Вот что удлиняет

Несчастьям нашим жизнь на столько лет.

(приписывается драматургу Шекспиру) около М2

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

БОДРСТВОВАНИЕ

ВАРП

∞

От земли до небес воздух мерцает от жары. Солнца здесь нет, но свет ослепляет. Небо представляет собой купол сверкающей белизны, наброшенный над сухой землёй. Почва потрескалась, запылилась и покрылась коркой соли. Мир кажется плоской, бесконечной равниной, уходящей к затерянному горизонту. Неподвижный воздух пульсирует, отвечая молоту отсутствующего солнца. Это не настоящее место, ибо ничто во Внешнем царстве не является настоящим, но это место жажды и жары всегда было и всегда будет.

В центре пустыни стоит дерево. Это кедр, лишившийся иголок, поражённый молнией и почерневший. Издали его можно принять за чёрную трещину, которая протянулась по небу и напоминает перевёрнутую чёрную молнию. В этом месте только под деревом есть тени. Они тонкие и почти невидимые в пыли. Струйка воды просачивается из-под земли у корня дерева и исчезает, едва показавшись. Прислонившись спиной к стволу сидит мужчина. У него тонкие руки и ноги, тёмная кожа

туго натянута на костях и потрескалась вокруг высохших губ. Синее облачение, свободно обившееся вокруг Него, истёрлось и выгорело на солнце. Он неподвижен, как и сгоревшее дерево за Его спиной; Его глаза закрыты.

Медленно, как будто сделать быстрее стоило бы слишком больших усилий, глаза мужчины приоткрывают щель на пылающую землю. Его левая рука движется к углублению, которое Он выцарапал в земле у корней дерева. Там собралось немного воды, Он зачерпывает её ладонью и подносит ко рту. Густая и мутная, её едва ли хватит на один глоток.

Дуновение воздуха шевелит ткань, покрывающую его голову. Он поднимает глаза, опуская руку с водой, которая уже сыплется с Его пальцев, словно пыль.

В воздухе образуется вихревая колонна, она скользит по земле и поднимает сухую почву. Вокруг неё расплывается свет, мерцая, вызывая далёкие миражи, которые могут быть марширующей на горизонте армией, или разрушенным городом, или одинокой фигурой, шагающей по опустевшей земле.

Мужчина под деревом ждёт и смотрит.

Пылевой дьявол кружится в танце всё ближе. Поднимается ветер. Засохшие ветви дерева шумят. В центре столба пыли появляется фигура: широкое и гордое лицо; серебряные чешуйчатые доспехи поверх белых одежд; меч в ножнах на поясе. Лоб новоприбывшего венчает золотая корона, горящая, словно пламя, отражённым солнечным светом. Ветер стихает. Пыль оседает. Воин в серебристо-белом смотрит на человека под деревом.

- Отец, - произносит Гор.

Мужчина под деревом не обращает на него внимания.

- Здесь нет убежища, отец, тебе некуда бежать. - Гор приседает, балансируя на носках, так что его голова оказывается на одном уровне человеком, сидящим в тени дерева. Где-то вне поля зрения в мерцающем воздухе каркает ворона. Змея шипит и гремит, звук такой, будто песок продувает сухие кости. Гор наклоняется и поднимает горсть земли. Он смотрит вдаль, его глаза сверкают зеркалами, отражающими палящую жару. На мгновение его пальцы кажутся когтями, длинными и блестящими, а почва под ними - усыпанной звёздами ночью. Земля крошится между его пальцами. - Это была твоя тайная страна, отец. Варп, царство, в котором ты отказал нам. Здесь источник всей твоей силы, все пути к твоему позолоченному честолюбию. Без этого места ты - ничто, просто человек, который украл то, что не принадлежало ему, а потом спрятал от других. Нищий вор с украденными монетами.

В глазах Гора появилась жалость.

- Посмотри сейчас на себя - увядаешь в царстве жажды. - Гор встал. - Ты должен был знать, что это неизбежно. Ты должен был знать, что твои поступки не останутся без последствий. Ты говорил, что это место, со всей его мощью и возможностями, опасно - что никто не должен прикасаться к нему, что никто не должен знать его истинных тайн. Магнус был близок к тому, чтобы понять, что ты лжёшь, и ты послал за ним волков. Лоргар, бедный вечно ищущий причину Лоргар, увидел тень твоего честолюбия и подумал, что это символ бога. Сожжённые города и позор стали его наградой. А я, отец, не слишком ли много знаю я? Сколько раз после того, как мы нашли друг друга, я почти понимал, кто ты - лжец и вор, облачённый в обрывки ложной славы? Так вот почему меня изгнали от тебя? Ты боялся этого момента, отец? Если ты это сделал, ты должен был знать, что это неизбежно - что твой обманутый сын придёт за тем, что положено ему по праву рождения.

Поднялся ветер, закружив в воздухе соль и пыль. Силуэты формируются в мерцающем мареве, одновременно близком и далёком. Высокие фигуры, фигуры из мифов и старых легенд: циклоп, сгорбленный жнец, освежёванный ангел, змей Адонис.

- Ты сотворил нас с помощью огня, который забрал из царства, которое объявил для нас запретным. Как ты мог подумать, что мы никогда не поймём, никогда не зададимся вопросами, никогда не вернёмся домой, туда, где родились?

Взгляд Гора скользнул по четырём извивающимся в миражах фигурам.

- Теперь они здесь, - сказал Гор. - Твои сыновья, мои братья, вернулись домой. Я их король, а не ты, отец, и это королевство принадлежит мне. Сила, в которой ты отказал нам, принадлежит мне. Всё это. У тебя больше ничего нет. Ночь и день, сны и явь - всё подвластно моей воле.

Мужчина под деревом выдыхает, вытягивает левую руку и проводит пальцем по сухой земле. Земля дрожит. Пыль взмывает в воздух и повисает завесой над землёй, прежде чем обрушиться вниз. Лишённое листьев дерево растёт, вытягивается, его мёртвые ветви устремляются к теням широким кругом. Гор не вздрагивает, но в жарком мареве невидимые существа шипят голосами змей, собак и умирающих птиц.

Рука мужчины останавливается. Линия в пыли шириной всего в палец, но также она - каньон, стена, горный хребет. Он убирает руку и смотрит вверх. Его губы и кожа потрескались, но голос сильный, когда Он говорит:

- Нет.

Гор делает шаг вперёд, но земля под его ногами крошится и трескается, стекая в открывающуюся внизу бездну. На мгновение человек под деревом кажется не человеком, а тенью в огненном аду. Он смотрит на Гора, и Гор встречает взгляд Императора. Яркость неба меняется на угольную черноту, тени деревьев становятся пламенем.

Глаза Гора - две звезды в глазницах.

- Ты умрёшь, отец. Посмотри на себя, посмотри, как ты уменьшаешься, слабеешь, цепляешься за тень на бесплодной земле. - Он замолкает, качает головой, как будто жалея. - Ты становишься только слабее. Ты исчезнешь. Твоя душа иссохнет от жажды, и ты умрёшь медленной смертью, от которой слишком долго пытался убежать. - Затем Гор поворачивается спиной к дереву и мужчине и уходит, говоря, но не оглядываясь через плечо: - Я дарю тебе милосердие до того, как всё закончится, отец. Я должен тебе это, но больше ничего.

Под деревом мужчина снова тянется за водой, которая уже высыхает и превращается в пыль, когда он подносит её ко рту.

ОДИН

Последний свет

Вник

Перенапряжение

Когда двадцать седьмого квинтуса вошло солнце, последние его лучи пробились сквозь дым и химический туман, чтобы коснуться самых высоких башен западного края Последней стены, в тени которой вспыхивал свет спорадических выстрелов. Мелькали снаряды и энергетические разряды, пробивая окутанную пустотными щитами стену и взрываясь на эфирном защитном куполе над Внутренним дворцом. По всей шестисоткилометровой дуге от Западной полусферы до Индомитора измученные солдаты моргали от золотого света, глядя из оружейных амбразур и с стрелковых ступеней. Большинство из них так давно не видели чистого солнечного света, что тот казался сном. Некоторые улыбнулись. Некоторые заплакали. Для многих угасающий свет казался обещанием. Для некоторых это было похоже на прощание. И пока солнце опускалось всё ниже по небосклону, некоторые из наблюдавших за ним миллионов людей шептали молитвы человеку, который отрицал, что Он бог.

Свет нового дня скользил по чаше Внутреннего дворца и прилегающим районам. В прошлые эпохи каждая часть была бы достаточно большой, чтобы стать величайшим городом на Терре; теперь они были просто сегментами последнего круга неповиновения магистру войны. В анклавах Виридарийского дворянства свет касался только самых высоких башен, и немногие узрели этот яркий момент; укрывшиеся там миллионы избегали высоких мест. Большинство бежали в более глубокие части своих владений. Некоторые использовали каждую монету и услугу, которую могли получить, чтобы оказаться как можно ближе к сердцу Внутреннего дворца. Немногие – старые, дерзкие или заблуждавшиеся – ходили по закрытым ставнями залам и делали вид, что не видят трещин, что росли на их окрашенных стенах, когда падали снаряды.

Свет поймал дождь внутри щита. Маслянистые радуги прочертили верхушки башен. Рядом с горгульями и гротескными орнаментами за камень цеплялись уродливые артиллерийские батареи. Если пустотные щиты не выдержат, их огонь окажет непродолжительное сопротивление следующей стадии катастрофы.

На вершине внутреннего района на мгновение замерцали позолоченные пирамиды и статуи. Под ними, глубоко под слоями камня и скальных пород, с закрытыми глазами неподвижно сидел Император, заключённый на золотом троне и сдерживавший постоянно сжимавшееся кольцо кошмаров.

Южнее свет окутал каменный кулак бастиона Бхаб, и на несколько секунд стекавшая по его стенам дождевая вода замерцала серебром. За этими стенами безостановочно вращались механизмы командования. Полки штабистов дни и ночи проводили на постах, время сна и бодрствования разбилось на отрезки, постоянный цикл света пикт-экранов и грёз о широком синем небе и прохладной воде. В самом сердце бастиона в стратегиуме Великое Сияние стоял Рогал Дорн. Холодный свет голографических проекций высвечивал следы недавнего сражения на его доспехах. Он излучал ауру командования, невидимую и подчинявшую его воле. Он наблюдал, как наблюдал уже нескольких часов после возвращения с Сатурнианской стены. Затем, едва заметно кивнув, он повернулся и направился к дверям зала и лестнице, которая должна была привести его к парапету бастиона и короткому виду восходящего солнца.

Минуя районы к Индомиторской, Меркурианской, Сатурнианской и Европейской стенам свет собирал тени на прорезавших здания зигзагообразных магистралях. Рядом со стенами засыпали целые дороги и уличные системы, их заблокировали разрушенными зданиями и запечатали реками залитого феррокрита. По краям жилых кварталов располагались оружейные гнёзда и огневые точки. Если – когда – стены пробьют, предатели войдут в смертельный лабиринт, который заставит их истекать кровью за каждый шаг. В стрелковых ячейках солдаты подняли головы от автоматических пушек и ракетных

установок и увидели далёкий призрачный блеск высоко наверху.

На восточной дуге оборонительных сооружений разрывы снарядов поднимали в воздух столбы пыли, словно пытаясь затмить солнечный лик. Это был Внешний, некогда служивший воротами во Внутренний дворец. Сотни километров площадей, проспектов и зданий из мрамора, стекла и полированного металла, теперь превратились в изжёванную чашу развалин, линии обороны проложили и вырезали в самих костях Дворца. Здесь находились Мармакс, Горгонов рубеж и Колоссы, сотни километров фронта, отмеченные воронками от взрывов, обломками и трупами, как линия прилива на море резни. Отсюда солнце поднимется над пустошью, которая когда-то была Внешним дворцом. Остатки ночи скапливались в руинах зданий и бежали по улицам, которые хранили только тишину.

Над опустошением вздымались остатки рухнувших стен, похожие на сломанные пальцы мёртвых рук, а позади них в небо вонзался космический порт Вечная стена. С его подветренной стороны на парапете Рассветной стены трудились бригады рабов, перетаскивая оружие и боеприпасы с позиций, с которых они стреляли по порту. Оружие требовалось в других местах. Большинство рабов раньше были солдатами, защищавшими эти самые стены. Теперь их жизнь измерялась работой, которую они могли сделать до того, как истечёт их срок. Большинство из них не подняли головы, когда солнце залило мир новым светом. Они знали, что нет смысла смотреть, нет смысла надеяться, или забыться в мечтах, или искать спасения в молитвах ложным богам. Освобождение было только в коротком сне и в надежде, что они не проснутся на следующий день.

Южный Мармакс, Внешний барбакан

От передовой почти ничего не осталось. Поднимавшиеся уровни траншей, стен, рвов и брешей превратились в перемолотый лабиринт воронок, оползней и обвалившихся блокпостов. Даже дождь перестал здесь идти. Многослойные пустотные щиты, породившие ложные штормы, заполнившие кратеры и шрамы, исчезли. Остались только сухие облака, которые тянулись по разбитому небу. Жара вытягивала влагу из земли, покрывала её трещинами и оставляла от луж дождевой воды чёрную слизь. На всем пути от пересечения Горгона до остатков комплекса зональных блоков на севере было то же самое. Насколько хватало взгляда. А видеть можно было далеко. С парапета 78-го опорного пункта открывался вид на всю дорогу, туда, где чёрно-оранжевые облака цеплялись за тень восточного контура Внешней стены. Долгий путь, и повсюду на месте некогда стоявшего здесь города – одно опустошение. Сломанные зубы огромных зданий вздымались в воздух. Кучи мусора загромаждали дороги. Осевшие строения образовывали линии холмов. Вспышки света пронзали рассветный мрак: молнии, взрывы, выстрелы. Над ним, высоко в отдалении, грязно-оранжевое зарево освещало неровный горизонт.

Кацухиро остановился, чтобы посмотреть, как распространяется свет.

- Двигайся!

Толчок в спину.

Он опустил голову и продолжил подниматься по ступенькам. Позади него сержант – Кацухиро не помнил его имя – подталкивал остальных вперёд. Их было двадцать. Откуда они взялись, Кацухиро понятия не имел. У большинства был обессиленный вид и мёртвые глаза людей, которые находились на передовой с самого начала. Их снаряжение представляло собой мешанину цветов, униформ в самом разном состоянии. Пятна отмечали каждый дюйм, и с тех пор, как они прибыли на Мармакс, все они начали

покрываться слоем серой пыли, похожей на шершавую вторую кожу. Позади него один из них сплюнул на внутреннюю сторону стены.

- Не делай этого, - сказал он, полуобернувшись.

- Грубо для тебя, вник? - раздался визгливый ответ. Стина, конечно, кто же ещё, её язвительный протяжный голос легко перекрыл звук топающих ног. - А что, черт возьми, ещё мы должны делать, глотать эту проклятую пыль?

- Плюнь, и тебе захочется пить, - ответил Кацухиро, - а с тех пор, как мы пришли на передовую, нам не дали ни капли воды. У тебя нет лишней слюны.

- Ну, именно об этом я и говорила - сама воспитанность и образованность. Что, чёрт возьми, сделало тебя таким всезнающим и мудрым, вник?

Вник - сокращение от призывник, обращение к любому, кого замели, следуя протоколам массового призыва, обращение к тому, кто не был настоящим солдатом. Это началось некоторое время назад, когда запустили процесс перепрофилирования населения, ещё до того, как враг действительно пришёл на Терру.

Это был способ для настоящих солдат, добровольцев, членов какого-нибудь полка или формирования, созданного до приказа о призыве, показать, что они находятся на другом уровне, чем миллионы мужчин и женщин, которых вырвали из их прежней жизни, чтобы они стали солдатами. Реальность войны убила это различие. Старые и новые солдаты гибли и умирали сотнями тысяч на каждом фронте битвы. Стина, однако, цеплялась за этот термин и использовала его попеременно, как оскорбление и обвинение. Кацухиро было всё равно. Люди держались за всё, что могли. Это стало ещё одним последствием битвы - течение жизни свелось до нескольких основных пунктов: дышать, стрелять и, конечно, ещё к одному, тому, что действительно имел значение.

Кацухиро продолжал подниматься по ступенькам. Время от времени он бросал взгляд за парапет. Ярусы стен спускались к траншеям на уровне земли на расстоянии километра. Всё несло следы повреждений: изжёванный камнебетон, расколотые и продырявленные бронеплиты, разрушенные блокпосты. Кое-где исчезли целые секции, стены и контрфорсы превратились в кратеры. В некоторых местах повреждения устранили, заполнив жидким цементом и быстро сваренной паутиной балок. Они выглядели как струпья на плохо заживающих ранах. Не было времени, чтобы сделать лучше.

Артиллерия наносила удары в нерегулярном, но последовательном ритме вдоль всей передовой, даже когда не было прямого штурма - дальнобойные ракеты выпускали с расстояния в сотни километров. Неуправляемые орбитальные боеприпасы падали без звука или предупреждения. Облака кассетных боеприпасов, разбросанные с высотных бомбардировщиков. Конечно на пустоши были и снайперы, они наблюдали, как солдаты приходят и уходят, а затем проявляли себя мощным энергетическим разрядом или гиперкинетическим снарядам, убивая работавшего над устранением повреждений сапёра.

Истребительные подразделения, некоторые из которых достигали численности бригады, также со спорадической свирепостью наносили удары по передовой. Проскользнуть под покровом ночи, прорваться, убить и расставить ловушки, прежде чем отступить. Было совсем плохо, когда в дело вступали Легионес Астартес. Скорее всего позапрошлой ночью на передовую чуть ниже Кордской башни пришёлся удар именно врага в задрапированных в содранную кожу полуночно-синих доспехах. Они прошли весь путь до третьей линии, прежде чем отступили. То, что они оставили после себя, нельзя было назвать обычными потерями; большинство из несчастных были ещё живы, когда этот участок

отбили.

Террористические нападения, как и обстрелы с отдалённых батарей, имели определённую цель. Иногда между ударами проходили часы, и неожиданно мир превращался в гром и огонь, а затем снова наступала тишина. Они казались случайным, но это было не так. Это был очень точный нерегулярный ритм, который приводил вас к мысли, что вы можете расслабиться, а затем подавлял эту передышку. Гений, жестокий гений, дар Повелителя Железа и его командующих зоны. И это работало. Как крупномасштабные атаки сломали фронт и отбросили защитников к Последней стене и Внешним линиям, так и аритмичное насилие прогрызало оборону и дух тех, кто стоял на них.

Кацухиро добрался до верхней ступеньки. Вдоль парапета стены тянулся длинный проход, шириной в восемь шагов, открытый с внутренней стороны и обрамлённый зубцами высотой в восемь футов. Через амбразуры можно было ясно видеть следующую стену внизу, а затем дальше, где стены встречались с землёй и уступали место траншеям и рвам.

На парапете их ждал ангел. Пыль покрывала его, как и всё на передовой. Серый керамит местами просвечивал сквозь красный лак брони. Доспехи выглядели помятыми и изношенными, но одного его вида оказалось достаточно, чтобы заставить Кацухиро и остальных бойцов взвода остановиться. Даже после всего, что он видел – особенно после всего, что он видел – присутствие космического десантника казалось подобным удару молота по вашему сознанию, который нельзя было игнорировать. Всё больше и больше Легионес Астартес рассредотачивали среди защищавших Дворец смертных. Кацухиро не знал точно ради чего именно: поднятия боевого духа или повышения дисциплины.

Ангел повернулся к ним. Чёрная полоса протянулась по лицевой панели его шлема между светящимися зелёными глазами. Он передал инфопланшет одному из двух офицеров в выдавшей лучшие дни униформе. Прижатое к бедру ангела оружие было величиной с туловище Кацухиро.

- Я - Баэрон, - произнёс ангел, и каким-то образом в его голосе прозвучали нотки музыки даже сквозь рычание решётки динамика. - Девятый легион, линейный адъютант этой секции. Вы назначены под моё командование. - Сияющий взгляд Баэрона скользнул по ним, быстрый, но цепкий, оценивающий. Кацухиро почувствовал себя пригвождённым к месту, когда светящиеся глаза посмотрели на него. - Включитесь в линейные подразделения этой секции. Капитан Улков и лейтенант Сабина командуют подразделением под моим началом. Найдите свои огневые позиции. Проверьте оружие. Будьте готовы. - Баэрон ещё раз оглядел их, затем отвернулся и двинулся по дорожке, теперь его взгляд был устремлён на мир за укреплениями.

- Хорошо, вы слышали адъютанта, - крикнула один из офицеров, приземистая женщина с лицом, наполовину закрытым серыми бинтами. - Переназначение, найдите пару с кем-то, кто пробыл в секции больше ночи. Выполнять!

Кацухиро моргнул, только сейчас оглянувшись и увидев других человеческих солдат. Это были мужчины и женщины из по крайней мере полдюжины подразделений – некоторые с символами нескольких частей – со смешанным снаряжением и расцветкой. Это стало новой нормальностью. Фронты, такие как Мармакс, Горгонов рубеж, Артиала и Каназавский изгиб пожирали солдат, поглощая старые дивизии и порядок. То, что осталось, тех, которые по-прежнему стояли, собирали вместе и бросали в следующую зону перекрёстного огня. За последние недели Кацухиро трижды перемещали в районы боевых действий Внешнего. За это время фронт тоже изменился, крепости были разрушены, старые жёсткие линии стёрты и нарисованы новые. Он задавался вопросом, было ли что-то или кто-то, кто действительно знал, где находится каждый солдат, какой танк был оставлен при отступлении, а на каком из них ехало другое

подразделение, перемещаясь из одной зоны в другую.

В каждом из мест, где он побывал, существовала своя логика и причина того, как обращались с новыми войсками на передовой. На Дакийской заставе вновь прибывших разделили по корпусам, согнали вместе, а затем разбили на части криками и жестами майора в потрёпанной зелёной форме Альбийского пятого стрелкового. На северном Мармаксе, второй передовой секции, их встретили двадцать писцов, они шли среди толп передислоцированных солдат, прикалывая розовые целлюлозные бумажки с номерами к униформе пласталевыми скобками. Здесь, ну, никто его ни о чём не спрашивал и ничего не говорил, просто приказали ему и группе других из грузоперевозчиков подняться на линии. За те полчаса, что потребовались, чтобы добраться до парапета, он получил сержанта, имени которого не знал, и новое подразделение. Некоторых из них, таких как Стина, он знал по путешествию с северного Мармакса. Большинство же нет. Это тоже стало новой нормой: быть безымянным, быть чужим с тем, с кем ты стоял рядом, стать приращением численности подразделения, телом на передовой, числом на изодранном розовом пергаменте.

Хотя кто-то знал. Кто-то знал всех и каждого из мужчин и женщин на передовой и знал, что они делают. Он знал, и Он наблюдал за ними, и где мог, Он защищал их. Эта истина была единственным, что имело значение; все остальное было просто беспорядком хаоса.

- Император знает, - сказал себе Кацухиро в грохочущей, тесной темноте грузоперевозчика, который переместил его по линии. - Император защищает.

Похоже, он сказал это громче, чем хотел, потому что кто-то повторил его слова.

- Он защищает...

А потом ещё несколько, прежде чем фраза угасла.

Он повторил это снова, теперь, в лучах рассвета на южном Мармаксе, и знал, что это правда.

Он двинулся к парапету, проверяя лазган. На выщербленный феррокритовый зубец опирался солдат. Он выглядел молодым, но под слоем грязи - это было трудно определить. Кацухиро открыл рот, собираясь поприветствовать его. Солдат вскинул голову, переводя взгляд с горизонта на небо.

- Ты слышишь? - спросил он.

Стратегиум Великое Сияние, бастион Бхаб, Санктум Импералис Палатин

- Начинается полномасштабный штурм, милорд, прямо через южный Мармакс от линий Флавианского вспомогательного рубежа до Горгонова перекрёстка, - произнесла Икаро.

- Сила? - спросил Архам, оторвав взгляд от свечения основной тактической трансляции.

- Главные силы, - ответила Икаро.

- Титаны?

- Не обнаружены, - сказал Ворст из-за пульта рядом с Икаро. - Рыцари, бронетехника и подразделения полной воздушной поддержки. Признаки подразделений легиона тоже. Разведданные поступают с корабля, который по-прежнему находится в воздухе, наземная видимость ограничена.

- Расстояние до передовой? - спросил Архам.

- Данные неточные, возможно три километра, - ответила Икаро.

- Как, во имя света Сол, они подобрались так близко? - рявкнул Ворст.

- Предупредите линейных командующих на южном Мармаксе, - ровным голосом сказал Архам. - Если мы только сейчас увидели это, они, возможно, они ещё не видят.

Архам, второй с этим именем, магистр хускарлов Имперских Кулаков и действующий старший вахтенный офицер в величайшей битве, которую когда-либо видело человечество, позволил себе на мгновение обрести покой в медленном вздохе. Это было всё, что он мог себе позволить. Человеческие командиры, такие как Икаро и Ворст, скоро должны будут смениться. Истощение уже снижало их эффективность.

На тактических экранах замигали индикаторы вокс-связи. Гул и рычание голосов в стратегиуме усилились. Голографические дисплеи, подвешенные в центре полусферического зала, снова включились, чтобы показать линии Мармакса. Неопределённые янтарные руны и данные заполнили нарисованные в холодном синем свете карты. Прямо на глазах Архама половина тактических данных исчезла и перестроилась. Связь с линиями фронта становилась ненадёжной. В сигнальную систему просачивался скрап-код. В войсках смертных нарушалась дисциплина связи. За стеной они сводились к глазам тех, кто находился на передовой, и системам, встроенным в сами оборонительные сооружения. На таком фронте, как Мармакс, который недели войны сокрушили, но не сломали, эти глаза и системы довольно часто ошибались. С каждой сменой, когда Архам стоял на командном помосте стратегиума, их способность видеть войну, которую они вели, уменьшалась, ясность исчезала, словно они смотрели на мир затуманенным взором. Сатурнианский прорыв состоялся вчера, как и Колоссы и Горгонов рубеж и Мармакс. Они выстояли. Бой обошёлся дорогой ценой. Там, где всё могло обернуться неудачей, защитники и оборона оказались равными своим врагам.

Эта победа была вчера. Реальность продолжающейся войны была тем, с чем Дворец проснулся.

- Линейные командующие Мармакса подтвердили получение предупреждения, - произнесла Икаро.

Двери в зал открылись. Вошёл Рогал Дорн. На его броне всё ещё оставались пятна и следы битвы, на лице застыло жёсткое выражение, которое всё глубже врезалось в его плоть за последние месяцы. Согласно его постоянному приказу, ни один из сотен офицеров в стратегиуме не остановил работу, чтобы отдать ему честь. Его присутствия было достаточно, чтобы приглушить шум. Двое хускарлов последовали за Преторианцем, а с ним и тощая, как ива, фигура Армины Фел, старшего астропата примарха. Рогал Дорн встретился взглядом с Архамом и кивнул, жест был таким же ясным и прямым, как громко выкрикнутая команда. Архам склонил голову в кратком согласии.

- Командование над театром военных действий передано вам, - сказал Архам Икаро. - Сообщите мне о любом изменении. - Преторианец направился к одной из дополнительно защищённых комнат.

"Что за новая напасть?" - задумался Архам, когда последовал за ним.

Южный Мармакс, Внешний барбакан

- Ты слышишь? - спросил солдат рядом со стеной. Кацухиро слышал. Высокая и далёкая нота, похожая

на крик умирающей птицы. По всей передовой лица поворачивались к затянутому облаками горизонту. Внизу, на нижних линиях, он мог видеть движущиеся красные фигуры, огромные, их броня была покрыта пылью, движения были экономными и плавными. Воины легиона, сыновья Сангвиния, как и Баэрон. Они двигались к парапетам, поднимая оружие.

- Приготовиться! Приготовиться! - раздавались крики по всей передовой. Тела спешили и шаркали к огненным точкам. Руки хватали оружие, сжимали, нащупывали, держали.

- Какого чёрта происходит? - спросила Стина. Она была рядом с ним, смотрела вверх и оглядывалась.

- Приготовиться!

Высокая нота росла, разделялась, становилась более чем одной нотой, меняя направление.

- Приближается атака!

Батарея орудий ПВО на одной из верхних линий открыла огонь, снаряды летели высоко и далеко по целям вне поля зрения. Кацухиро увидел, как Стина вздрогнула. Высокая нота по-прежнему различалась среди грохота орудий, теперь она была, раскалывалась, нарастали нити звука. Это был... это был голос? Голос пел?

- *Роза и дождь, и лепесток на ветке, - пропела его сестра. - О, где моё сердце найдёт настоящий дом?*

Он смеётся.

Она улыбается, ноты следующей строки песни затихают.

- *Это должна быть грустная песня, глупый, - говорит она, хихикая и улыбаясь ему. Ей десять лет. Она такая настоящая. Она поднимает один из выцветших кубиков, которые он разбросал по полу вокруг них, стараясь создать как можно больше беспорядка.*

- *Ещё раз! - кричит он.*

- *Ещё раз, - говорит она. - В самом деле?*

- *Ещё раз!*

- *Хорошо, - говорит она, - но только один раз. - Он смеётся. Она улыбается. - Роза и дождь, и лепесток на ветке...*

Колонна света прорезала воздух над ним. Кацухиро пригнулся, глаза наполнились блеском. Он ударился головой о чей-то ствол позади себя. Лязгнули зубы. Во рту появилась кровь. В ушах звенело. Крики и грохот выстрелов, и снова крики, приказывающие прекратить огонь. Высокий звук по-прежнему был там, всё ещё слышимый, скользивший под рёвом. Острый. Дрожащий. Ноющий на окровавленных зубах.

Он хотел остаться сидеть, вернуться к тому моменту, который обещали воспоминания о песне. Он понял, что закрыл глаза.

- Встать! - прогремел вдоль стены голос. - Встать! Оружие к бою! Встать!

Он заставил себя подняться. Открыл глаза.

Небо над головой горело. Энергетические лучи и снаряды, ракеты взлетали в небеса в рваной плёнке

пламени. Другие солдаты на парашюте толпились с оружием в руках, некоторые смотрели в небо, другие вниз, на пустошь за внешней линией окопов.

Баэрон пробирался по проходу, поднимая солдат на ноги, его голос вырывался из решётки динамика шлема:

- Встать! Оружие к бою!

На линии теперь было больше человеческих войск, покрытых серой пылью, высыпавших из тех мест, которые они использовали в качестве укрытия.

Орбитальный удар пришёлся на край внешних оборонительных сооружений в пяти километрах отсюда. Колонна света пронзила облака, пятьдесят метров в ширину, неоновая-белая, кричащая. Камнебетон и сталь растворились в газе и пепле. Прогредел гром. Кацухиро уже снова пригнулся, наполовину ослеплённый и плача. Затем взрывы обрушивались снова и снова, барабанный бой гневных богов, сокрушающих разрушенный мир смертных. Поток зенитного огня заикнулся.

- Воздушное прикрытие! - закричал кто-то. - Нам нужно воздушное прикрытие!

- Встать! Приготовиться к бою!

- Где враг? - Стина была рядом с ним и кричала. - Нет никакого врага. Почему мы...

- Там, - сказал Кацухиро, его взгляд неожиданно стал спокойным.

Что-то в его тоне, по-видимому, привлекло внимание Стин, даже не смотря на шум. Она посмотрела в том же направлении, что и он, и закачала головой, как будто собиралась сказать, что ничего не видит.

Потом она всё-таки увидела и замерла.

Золото.

Золото сверкало в тусклом свете нового дня. Вдалеке виднелись золотые искорки, ярко выделявшиеся на фоне неба.

Кацухиро наблюдал. Звук исчез из его ушей. Он по-прежнему оставался там, но теперь это была просто вибрация, пробирающаяся от его кожи до костей. Это было приятно. Как наполовину проснуться в тепле, когда сладость сна всё ещё окутывает тебя...

Золото. Золото. Сотни золотых искорок, танцующих на фоне серого неба, кружась и порхая между взрывами и линиями трассирующего огня. Он знал, что это самолёты... Часть его знала, что это самолёты, сотни самолётов, фюзеляжи позолочены и отполированы до блеска, как лица солнца. Самолёты с неистово расцвеченными крыльями. Военные самолёты. Десантно-штурмовые корабли. Ударные истребители. Он знал, что это значит, но...

Зенитный огонь хлынул в небо...

Золотые птицы падают...

Сломанные крылья...

Чёрные нити дыма...

Безмятежность, крошечные кусочки идеального времени. Разноцветный взрыв, когда самолёт врезался в

землю в двух километрах от самой дальней линии: сначала жёлтый, чистый свет, затем оранжевый, переходящий в чёрный, облако собирало цвета вместе и поднималось, словно бутон горящего цветка. Он мог бы смотреть на это вечно, просто видя это, среди пульсирующего звука сердца мира, бьющегося в последний раз.

- Смотреть вечно... - произнёс голос, который, как он понял, принадлежал ему самому. Почему он не мог думать? Что происходит? Он чувствовал... Он чувствовал, что хочет остановиться. Просто остановиться, смотреть и слушать песню, которая доносилась издалека.

- За Императора! За наши клятвы! - проревел на парапете Баэрон.

Кацухиро моргнул, тяжело дыша, пытаясь увидеть, пытаясь сосредоточиться.

Вокруг него бились звуки: выстрелы, крики, его собственное дыхание, всё это. Половина солдат стояла, уставившись вдаль, широко раскрыв глаза и разинув рты.

- Защити меня, - сказал он себе, а затем громче, рыча: - Пожалуйста защити меня, как я защищаю Тебя.

Он выпрямился, сжимая оружие и смотря вперёд.

Стаи золотистых самолётов спускались всё ниже и ниже, скользя над землёй. Визг их двигателей поднял пыль в воздух. Быстро приближаются. Зенитные снаряды и ракеты прочертили небо, пока они пытались отслеживать цели до минимального угла наклона. Огонь вырвал одного из них с неба в километре к северу. Ещё одного на юге. Золотые корабли были почти у земли, петляя из стороны в сторону. Огонь ударил уже из линий. Визг реактивных двигателей стал менее резким, сливался, как кричащий голос. Как смех.

- Что это такое?! - прокричала ему в ухо Стина. - Что происходит?

Самолёты были уже почти над ними. Огонь со стен превратился в рваный поток. Лазерные лучи разрезали крылья. Ударили ракеты.

Красный... За некоторыми самолётами развернулись огромные красные знамёна. На какое-то невероятное мгновение Кацухиро показалось, что они истекают кровью. Потом он понял, что это пыль, красная пыль. Оранжевые и голубые струи вылетали из остальных самолётов, рассыпаясь позади них, словно яркий волоочащийся по земле плащ. Они были почти у внешних линий, направляясь к земляным укреплениям. Они взмыли вверх, кружась и извиваясь, завывая двигателями. Когда они поднялись, огонь последовал за ними с парапетов и ярусов передовой. Самолёты почти вертикально набирали высоту, удаляясь. Стрельба преследовала их какое-то время, прежде чем смолкнуть.

Сверху начала опускаться пелена синей, оранжевой и красной пыли.

- Противогазы! - закричал офицер.

Кацухиро уже натягивал свой, когда призывы повторились. Внезапно всё стихло, только слышались звуки людей, которые пытались натянуть дыхательные маски и капюшоны. Его дыхание было громким, когда он втягивал воздух через фильтр. Визор был помят и поцарапан. Он огляделся. Баэрон стоял статуей красного цвета, его голова в шлеме была наклонена, как будто он прислушивался. Кацухиро понял, что пронзительный вой тоже прекратился. Цветной смог опускался всё ниже, неторопливый, яркий и красочный. Это напомнило ему меловую пыль на доске в школе. Он вспотел в капюшоне и маске. Он чувствовал, как под тканью униформы нарастает жар. Перчатки отяжелели на пальцах. Цветное

облако было теперь всего в нескольких метрах над ними.

- Полная готовность к угрозе, - приказал Баэрон. - Никакой незащищённой кожи. Оружие наготове.

Солдаты вдоль линии ощупывали перчатки и застёжки униформы.

Рядом с ним Стина натянула капюшон, задыхаясь и кашляя:

- Не могу дышать!

- Рядовой, надень противогаз!

Пыль была чуть выше высоты головы. Кацухиро почувствовал вкус сахара и горящего пластика.

Вдоль линии солдат окутывала цветная пыль. Некоторые замерли. Рядовой, который не прикрыл руки перчатками, повернулся и выстрелил, посылая лазерные разряды в тех, кто стоял рядом с ним, пока снаряд не разнёс ему затылок. Вспыхнули взрывы. Смог стал радужным калейдоскопом света и цвета.

- Враг перед нижними линиями, - произнёс Баэрон. - Тридцать градусов угол вниз, постоянный огонь.

Кацухиро положил оружие на парапет под углом вниз, прицелился вдоль ствола и замер.

Пыль затуманила обзор, но он мог видеть внешнюю траншею. Поток фигур прорывался через линии окопов, существа с бледной плотью и длинными руками и ногами, с иглами и бритвенными улыбками. Звери, люди или машины - все различия теперь стёрлись. Над ними развевались аляповатые шёлковые знамёна. Боевые машины двигались на их флангах. Их не должно было там быть. Они не должны были так быстро добраться до передовой. Как будто они выпрыгнули из смога прямо на них. Огонь жевал прилив. Плоть превратилась в красную слизь. Металл деформировался. Но штурмовая волна не замедлялась. Она ускорялась. Кацухиро видел, как существо, которое, похоже, когда-то было небольшой боевой машиной, рыцарем, врезалось в возвышение над внешней траншеей и высоко подпрыгнуло. Его бронированный корпус был цвета слоновой кости. Солдаты в земляном укреплении под ними подняли оружие, чтобы открыть огонь. Рыцарь приземлился среди них, вытянув хромированные когти и вращавшиеся клинки, и внезапно траншея наполнилась кровавым месивом, и поток атакующих хлынул через неё и вверх на другую сторону. Белый рыцарь выгнул спину, поршневые ноги подталкивали его вверх, словно прихорашивающуюся птицу. Его броня раскололась. Внутри что-то розовое, мягкое, красное и скользкое задрожало и издало булькающий крик. Кацухиро мог это слышать. Каким-то образом с расстояния в километр он мог слышать его, как если бы он был рядом.

Ракета ударила в стену в пятидесяти метрах под ним и разнесла десятиметровую секцию. Тела взлетели в воздух. Обломки и дым рассеялись. Кусок камня ударил Кацухиро по шлему. Его голова откинулась назад. Боль взорвалась в шее, и вместе с ней мир снова стал реальным.

Он начал стрелять. Целясь вниз, нажимая на спусковой крючок, добавляя свои выстрелы к рваным залпам, обрушивавшимся с уровней стен и парапетов. Он был одним из немногих. Большинство солдат-людей стояли, одетые в ядовитые цвета, и смотрели, как тупой скот. Некоторые лежали, как будто земля была постелью. Только Кровавые Ангелы на нижней линии согласованно ответили, стреляя и двигаясь с совершенным единством, пыль слетала с их красных доспехов. Они не делали паузы. Огонь вырвался из ангелов. Ракеты и болты превратили куски врага в лужи мяса. Разряды лазерных пушек кучно ударили по военным машинам, прорывавшимся сквозь поток плоти, и оставили от них горящие обломки.

Кацухиро почувствовал, как что-то потянуло его за руку. Он огляделся, наполовину готовый развернуть

оружие, чтобы выстрелить. Стина стояла на коленях рядом с ним, её незащищённое лицо было покрыто разноцветной пылью. Она дрожала, глаза широко раскрыты, губы растянuty от зубов. Она выглядела так, словно смеялась. Кровавые розовые слёзы прокладывали дорожки в пыли на её щеках.

- Вставай! - крикнул Кацухиро, слова потерялись в его противогазе и какофонии.

Её губы шевелились.

Он попытался стряхнуть её. На парашюте стояли другие солдаты, некоторые по-прежнему стреляли. Некоторые были ошеломлены. Один из них бил их по голове, как будто пытался что-то выбить. На кулаке и черепе была кровь. Кацухиро моргнул. Его мысли снова замедлились. Он посмотрел на свою руку. Где его оружие? Где его перчатка? Оранжевая пыль покрывала его руку. Стина смеялась и плакала.

Что-то врезалось в другую сторону парашюта. На какую-то нелепую секунду ему показалось, что это капля дождя. Он наклонился к амбразуры, его мысли были вялыми, как после пробуждения.

Кассетная бомба, вонзившаяся в наружный парашют, взорвалась. Осколки камня отскочили от его шлема. Ударная волна пронзила его насквозь. Лопнули барабанные перепонки. Его швырнуло на спину, когда реактивная струя вскипела в облаках цветной пыли. Десантно-штурмовые корабли пикировали вниз, их пушки стреляли, летели ракеты и реактивные снаряды. Гигантские фигуры в силовых доспехах стояли по краям открытых люков. Их броню покрывали несопадающие цвета и узоры: золото в тигровую полоску, кислотно-зелёная и фиолетовая чешуя, перья огненно-оранжевых волос. Трубы и трубки украшали их, обвиваясь вокруг раздутых орудий из хрома и чёрного графита. Жирная дымка жара висела вокруг них, как будто воздух запекался, когда касался их. Когда-то они были космическими десантниками; теперь они выглядели как лихорадочный сон. Кацухиро почувствовал, как рвота хлынула у него изо рта, прежде чем он смог что-то сделать. Он поднял руки и сорвал с головы маску и капюшон. Он вдохнул. Пыль хлынула ему в рот.

Мир резко сфокусировался.

Идеально сфокусировался.

Его нервы горели.

Каждая клеточка его тела кричала от боли.

Привкус крови и жжёного сахара на языке заполнил разум. Он чувствовал запах дыма от выстрелов и выхлопа десантно-штурмового корабля, когда тот развернулся почти над их головами.

Один из гигантов спрыгнул на парашют в тридцати метрах от Кацухиро. Камень треснул там, где он приземлился. Несколько солдат, стоявших рядом с ним, побежали. Другие повернулись к нему с покорным замешательством. Он направил дуло своего оружия вдоль стены. Кацухиро мог видеть его изнутри, мог видеть, что внутри хромированной морды находилось настоящее дуло и крошечные, идеальные белые зубы.

Оружие выстрелило. Стина дёрнула его вниз. Солдаты, которые стояли рядом с ним, повисли в воздухе, кожа, кости и внутренние органы дрожали в красном тумане, волнообразные узоры формировались в крови. Гигант двинулся вперёд, неоновые цвета его доспехов текли, как масло по воде. Звук его оружия был за пределами слышимости, в мозг вливалась мигреновая боль. Кацухиро не мог думать.

Баэрон спустился по проходу позади них, камнебетон раскалывался под его шагами. Болты разорвались

на разноцветном воине. Радужные куски брони разлетелись от ударов. Он повернулся, разворачивая своё оружие. Визг серебряной пушки усилился, когда воин направил её на Кровавого Ангела. Кусок стены рассыпался в пыль. Снаряды взрывались в воздухе, врезаясь в стену звуковой энергии. Кровавый Ангел не замедлил шага. Он ускорился, выхватил нож и прыгнул. Край кричащего конуса зацепил ногу Баэрона в воздухе. Красная броня смялась и разорвалась от колена до ступни. Баэрон приземлился и оступился. Хромированная пушка повернулась к упавшему космическому десантнику. Баэрон полоснул клинком по кабелям, соединявшим вражеского воина с его оружием. Из разорванных трубок брызнула кровь. Визг оружия превратился в бульканье боли. Баэрон наносил удары снова и снова, снизу, направляя короткий клинок вверх и в живот воина. Враг шатался, проливая кровь и осколки керамики, но он не был мёртв. Жемчужно-серебряный кулак ударил в лицевую пластину Баэрона, раз, второй, третий, прогибая керамику, разбивая глазные линзы. Ангел продолжал колотить, тесня вражеского воина назад. Они врезались в парапет. Камнебетон разлетелся вдребезги. Часть стены с амбразурами не выдержала, и вражеский воин упал с края, полетев к шипам и колючей проволоке у подножия укреплений. Баэрон выпрямился на сломанном краю парапета. На его доспехах была кровь, более тёмная, чем запалённый лак, она сворачивалась, пока бежала сквозь пыль.

- Встать! Встать! - проревел Баэрон.

Новые фигуры спрыгивали с десантно-штурмовых кораблей вдоль всей передовой. Визжащее оружие стреляло. Броня превращалась в осколки. Плоть превращалась в желе. В воздухе образовывались волны, накрадываясь друг на друга. Кацухиро не мог пошевелиться. Всё стало цветом, и звуком, и дрожью, и вкусом сахара, и горьких лимонов, и рвоты. Он не мог...

Он защищает.

Воспоминание о золотом свете. Жар вливается в него и бежит по спине.

Он - наш щит, Он - наш свет. Он - наша истина...

И он кричал, кричал, когда окружавший его калейдоскопический мир стал реальным, стал грубым.

Он мог двигаться. Он стоял. Каким-то образом он встал и шагнул к амбразуре, поднимая упавшее оружие.

- Он защищает, Он защищает, Он защищает... - он тяжело дышал, руки перезаряжали, кровь текла из ушей. Он посмотрел вдоль ствола ружья и понял, что плачет, сосредоточившись на чём-то, что дрожало, раскачивалось и вырезало нижние укрепления. Послышался рёв новых приближавшихся десантно-штурмовых кораблей.

Он умрёт здесь. Момент приближался, обещание, наконец, будет выполнено. Он умрёт, и никто не вспомнит о нем, но он умрёт сражаясь, а не дрожа от страха. - Он защищает, - произнёс он и нажал на спусковой крючок. Выстрел попал в тварь в прицеле. Брызнули кровь и обожжённый жир. Существо покачнулось и заскользило, сдуваясь и дёргаясь. Он осмотрелся в поисках следующей цели и замер.

Что-то происходило. Вдоль всей стены и передовых линий, которые он мог видеть, враг отступал, тела с клинками и боевые машины сливались в многоцветную завесу. Смешались десантно-штурмовые корабли, зависнув, пока гигантские воины выпрыгивали из люков, сжимая хромированные пушки с расширявшимися стволами. Корабль взорвался в небе. Залповый огонь, сначала рассеянный, а затем усиливающийся, пронзал туман, чтобы вырвать куски из исчезавшего штурма. Кацухиро стрелял вместе с остальными, перезаряжал, стрелял и стрелял. А затем, так же внезапно, как и появился, враг исчез.

Тишина. Звонящая тишина вокруг. Низкий треск лазерных выстрелов заглушал пульсацию звона в ушах. Он глазел по сторонам. Потом почувствовал, как что-то дёрнуло его за руку. Стена подползла к стене рядом с ним. Её глаза налились кровью на покрытом пылью лице.

- Воды... - прохрипела она. Он дрожащими руками доставал флягу из сумки, когда на него упала тень. Он поднял голову.

Баэрон снял шлем. Лицо под ним было окровавлено, мясо и кости правой щеки раздроблены и разорваны, левый глаз закрыт свернувшейся массой. Кровавый Ангел смотрел за парашют.

- Что... - спросил Кацухиро, и звук собственного голоса удивил его. - Они... они ушли... Что случилось.

Баэрон никак не показал, что услышал его. Затем он посмотрел на Кацухиро. Его открытый глаз был ярко-зелёным. Он долго смотрел на него, а затем снова перевёл взгляд за парашют.

- Я не знаю, - ответил он.

ДВА

Конец неопределенности

Окровавленная явь

Накал

Стратегиум Великое Сияние, Бастион Бхаб, Санктум Импералис Палатин

Три фигуры посмотрели на вошедшего в оперативный зал Рогала Дорна. Малкадор опирался на посох, капюшон отбрасывал тень на резкие черты его лица. В глазах отражалось бледное свечение Терры, излучаемое медленно вращающимся голосветом в центре помещения. Он взглянул на Дорна, которого сопровождал Архам. Рядом с регентом стояла высокая женщина в красной мантии и сгорбленная фигура в белой одежде и головой из голого металла и заменяющими глаза кристаллическими линзами. Оба кивнули в знак приветствия. Архам знал обоих: посол Веторель новосозданного Адептус Механикус и магос-эmissар Кассым-Алеф-1. Хотя из них двоих более человеческой казалась Веторель, но это была только видимость. Она умела адаптироваться, была деликатной, когда необходимо, и беспощадно прямолинейной, когда необходимость в деликатности отсутствовала. Она нравилась Архаму. Магос-эmissар был из другого теста. Сосредоточенный только на том ограниченном мире, который существовал в определениях его веры, он плохо подходил для нынешних времен и представления культа Механикус на военном совете. И даже еще меньше подходил для реализации следующих стадий взаимодействия защитников. Архам не сомневался, что именно по этой причине пришла Веторель, так как следующая стадия войны потребует даже большего вовлечения слуг машины, чем до этого момента.

- Соедините нас, - приказал Дорн, когда за ним и Архамом закрылась дверь.

За системой управления комплекса механизмов, из которого подобно чашечкам хромированных цветов поднимались вокс-трубки, работал единственный офицер тактического командования.

- Соединение установлено, - доложил он. В воздухе зашипел звук далеких взрывов и наслаивающийся треск стрельбы.

- Мои братья, - обратился Дорн, - лорд кустодий.

- *Мы слышим тебя, Рогал*, - раздался голос Сангвиния, искаженный, но такой же отчетливый, как звон колокола.

- *Лорд Преторианец*, - произнес голос Константина Вальдора.

- *Говори*, - сказал Джагатай-хан.

- Мы выстояли, мы держимся, - заявил Дорн, - но с захватом обоих портов враг введет в бой резервы. Осада сменится всеобщим штурмом.

- Расчеты неблагоприятны, - вмешался Кассым-Алеф-1. Шестеренки в черепе магоса-эmissара прокрутились, остановились и начали заново. Его голос трещал помехами, по какой-то причине напомнив Архаму человека, жующего губы. Взгляд Рогала Дорна впился в эmissара, но Кассым-Алеф-1 не подал виду, что обратил на это внимание и продолжил говорить. - Материально-технические ресурсы на оставшейся у нас территории сокращаются с темпом, превышающий таковой у противника. По всем прогнозам наша боевая эффективность соотносится с самыми благоприятными оценками вражеских сил. При низкой степени вероятности это соотношение сохранится не дольше периода в семьдесят шесть дней. Прогнозы с большей степенью достоверности дают существенно более низкие величины. - Магос, наконец, замолчал, и, казалось, восстановил связь с текущей реальностью. Он поднял взгляд, глаза вращались, фокусируясь. Коротко щелкнули черепные шестеренки. - Расчеты неблагоприятны.

- Я осведомлен о ситуации, магос, - сказал Рогал Дорн. - Подытожив сказанное вами, маловероятно, что наша оборона продержится дольше нескольких недель.

- Этому выводу не хватает деталей, но он верен.

- Лорд Преторианец, - обратилась Веторель четким и твердым голосом. Как и ее лицо, он воспринимался, как идеально человеческий. - Хотя я прошу вас отнестись снисходительно к способу выражения эmissара Кассыма-Алефа-1, сказанное представляет итоговую оценку Адептус Механикус. От имени генерала-фабрикатора я должна спросить: что вы собираетесь делать?

- Что я собираюсь делать?

Архам увидел вспышку в глазах своего повелителя, которую не смог понять. Он достаточно много времени провел подле примарха, чтобы знать: огонь эмоций иногда пробивается сквозь холодную броню самообладания. Но сейчас хускарл не мог сказать, что его разожгло: раздражение, веселье или восхищение?

- Есть и другие факторы, - вмешался Малкадор. - Варп... меняется, синхронизируется.

- *Как делал это раньше*, - раздался голос Хана, - *в начале осады*.

- Нет, - возразил Сигиллит. - Это нечто более цельное. Шире. Глубже. Силы в Великом Океане наращиваются. Его влияние проникает в реальность. Вероятность, эмоция, последствие, все это начинает склоняться к нежеланному для нас результату. Боюсь, реальность начинает служить врагу.

- *Каким образом?* - спросил голос Константина Вальдора.

- *Неблагоприятные ветра*, - сказал Хан. - *Мы сражаемся не просто с врагом, но со стихиями и собственной природой. Имматериум воздействует на каждую мысль, им затронута каждое решение*

и инстинкт. В наших желаниях и снах пляшут демоны. Вот, что это значит.

- *Моральный дух падает*, - сказал Сангвиний. - *Тьма просачивается в мысли оставшихся людей.*

- Мы все еще сильны, - заявил Дорн голосом, зазвеневшим, словно удар молота по стали. - Духом и телом. - Он перевел взгляд на Веторель. - А также сильны железом. Не так ли, посол?

Веторель просто качнула головой.

- Есть сложности, - сказала она. - Помимо Легио Грифоникус и Игнатум, титаны, выступающие на нашей стороне - осколки разбитых легионов. То же верно в отношении рыцарей и присягнувших когорт, которые сопровождают их. Они не сплочены, и внутри Механикус есть разногласия и разобщенность.

- Вы решили эту проблему ранее, посол, - напомнил Дорн.

- Тот раскол основывался на данных, вызванных нерешенным уравнением наследования. Этот - нет. Одни хотят отступить с оборонительных позиций. Кто-то желает использовать все силы, которыми мы сейчас располагаем, для контрудара. Прочие застыли между расчетами нерешенного решения. Это нарушение целостности. - Она взглянула на Кассыма-Алефа-1. - Это эмоции. Это страх.

- Слабость плоти... - заметил Архам.

- *Демоны пляшут в наших снах*, - раздался тихий голос Сангвиния.

- Эта проблема будет решена, - заверила Веторель. - Но вы должны знать, что мы на грани критического пересечения верности, воли и сомнений.

- Кризис, - подытожил Малкадор.

- Да, - подтвердила Веторель.

- Тогда разрешите его, - отрезал Дорн. - Любыми способами. Мы вступаем в последнюю фазу этой войны. Мы выстоим. Это единственная цель. Какую бы стену они не атаковали, мы выстоим. Какой бы вызов нам не бросили, мы справимся с ним. Нам придется использовать каждую частицу силы и воли, что у нас осталась. Этого будет достаточно. Я уверен в этом, так как удача благоволит не только врагу. - Дорн обвел взглядом присутствующих. - Они идут. - Слова Рогала Дорна повисли в тишине. - Гиллиман, Лев, Тринадцатый и Первый на подходе.

Архам почувствовал, как слова текут по его телу. Убежденность, исходящая от смотревшего на них Дорна была твердой и подлинной, как сошествие на твердую землю после вечности, проведенной в штормовом море.

Малкадор внимательно посмотрел на Дорна.

- Это всегда было планируемой основой вашей стратегии, но сейчас в ваших словах нечто большее, чем просто надежда.

- Да, - согласился Дорн, но больше ничего не добавил. - В грядущие дни от нас многое потребует, больше, чем мы уже дали. Мы должны удержать оставшиеся позиции. Наши стены должны держаться. Врага нужно остановить. Но если мы выстоим, придет победа. - В комнате стояла тишина, потрескивал помехами вокс. - Мы выстоим, и враг проиграет.

В черепе магоса-эmissара провернулись шестеренки.

- Многое остается неопределенным, - сказал он.

Рогал Дорн долго смотрел на магоса, а затем улыбнулся.

- Значит, мы сделаем то, что положит конец всей неопределенности - мы победим.

Район Тулкан, Санктум Импералис Палатин

В душном воздухе спальни прожужжала муха. Раздутое насекомое, чье тело было размером с почерневший ноготь, по спирали устремилось к потолку. Оно нашло одну из капель на лепных цветках, которые все еще были влажными, и начало есть. Тело мухи весило, как яйцо. Как только она покончит с этой последней трапезой, начнет откладывать яйца. Тысячи ее родичей уже это сделали, а для возвращения их потомства имелось время, пища и плодородная почва.

Наконец, насытившись, муха отцепилась и устремилась вниз. Она наполовину летела, наполовину падала. Насекомое приземлилось спящему мужчине на щеку. Его лицо дернулось, но веки остались закрытыми. Муха пробежалась по коже, хлопая крыльями. Лицо мужчины снова дернулось. Он был полуголом, закутан в грязные простыни, которые свисали с шезлонга на пол. И сжимал оружие даже во сне. По комнате были разбросаны ножи, но у него под рукой находилось огнестрельное оружие. Под веками двигались глазные яблоки, туда-сюда, туда-сюда. Кожу вокруг глазниц покрывали морщины. Он не проснулся.

Муха снова взлетела. Человек не представлял для нее интереса. Он был жив, а значит, не даст пищи для ее потомства, как только оно вылупится. Муха низко прожужжала над промокшим красным ковром, огибая позолоченные ножки кресел и разбросанные бокалы. В обычной ситуации остатки напитков в них вызвали бы у нее восторг, но в таком богатом краю она пролетела мимо. Главная груда еды находилась в углу возле двери. Там она отложит свои яйца.

Дверь тихо застучала в раме. Спящий в шезлонге мужчина вздрогнул. Его пальцы потянулись к рукояти оружия. Глаза под веками зашевелились.

Туда-сюда-туда...

Дверь снова застучала, полированное дерево и медные петли согнулись в каменной раме.

Туда-сюда-туда-туда...

Дверь выбило. В воздухе разлетелись щепки темного дерева. Ворвались с поднятым оружием фигуры в красных бронекостюмах. Мужчина резко открыл глаза и вскочил с шезлонга. Простыни упали. На нем были только бархатные узкие штаны, на худом теле отсутствовали шрамы. Оружие в его руке было дуэльным, древним и дорогим, и редко использовалось. В пяти гнездах барабана находились разрывные патроны. Каждый был произведением смертоносного искусства и стоил больше, чем годовое жалование среднего слуги. Оружие взревело. Первая ворвавшаяся фигура получила выстрел прямо в грудь. Раскололись кости и брызнула кровь, когда взрывной генератор в пуле разорвал тело и отшвырнул его обратно на дверную раму.

Следующий ворвавшийся солдат уже стрелял.

Выстрел разорвал обшивку шезлонга в том месте, где только что был мужчина. Но он уже переместился. Нейрообвязка, оплаченная родителями на совершеннолетие, позволила ему увернуться. Дуэльный

револьвер снова выстрелил. Пуля попала в портрет на стене. Взрыв вспышкой синей энергии спрессовал холст, штукатурку и камень в пыль. Солдат с дробовиком нырнул за каменную раму двери, но проснувшийся мужчина продолжил двигаться, прицеливался, твердо держал оружие и нажимал спусковой крючок.

Женщина в черной форме кувырнулась через дверной проем, перекатилась, вскочила и дважды выстрелила. Выстрелы попали полуголому мужчине в бедро и живот, и отбросили его назад. Он отлетел на шезлонг и перевернулся через него.

В дверь ворвались новые фигуры с серебристыми визорами и в красных бронекостюмах, вода по сторонам широкими стволами дробовиков.

Женщина в черном поднялась, наведя пистолет на шезлонг, за который упала цель. Над высоким воротом пальто виднелось темное лицо. По бритой голове раскинулась паутина дешевых, давно не работающих электротатуировок с серебристыми тенями львов и орлов. Омолаживающие процедуры и тяжелые тренировки сохранили фигуру подтянутой, но узкая коса, свисающая с основания черепа, побелела от возраста. Компактная дыхательная маска сжимала ноздри и закрывала рот. Ее звали Хеллик Мауэр, и когда-то она была солдатом. Теперь, она не имела уверенности в том, кем была.

Остальное отделение уже было у дверей, ведущих внутрь дома. С мертвым солдатом из штурмовой группы разберутся позже, после того, как позицию зачистят.

Выстрелы из дробовика выбили замки и петли. Секундой позже раздался грохот фотонных гранат. Мауэр даже не моргнула от звука, направляясь вперед.

- Он все еще жив, - сообщил алый воин с другой стороны шезлонга.

Полуобнаженный мужчина лежал в растущей луже крови. Выстрелы из ручницы разорвали его пополам. Первый добравшийся до него солдат выбил оружие из руки. На губах пенилась кровь, стекая по подбородку и щекам.

Мауэр взглянула на него.

- Фаддей Рихол-Сен, - произнесла она. Мужчина на полу издал булькающий звук, глаза сильно расширились. Голова дернулась, словно он попытался кивнуть, а изо рта и ноздрей снова пошла кровавая пена. Мауэр сняла дыхательную маску. Сделала медленный вдох, и ее накрыла волна зловония. Ей приходилось бывать на полях сражений после резни, и она слишком хорошо знала запах смерти, и все же ей все равно понадобилось усилие воли, чтобы не показать на лице рвотный позыв.

Комната была главной приемной резиденции. Застреленный ею мужчина являлся первым наследником, как дома, так и фамильной власти, которую тот представлял. Старой власти, старого богатства, уходящих корнями во времена, предшествующие созданию Империиума. Достаточно власти, чтобы гарантировать сохранение им этой резиденции в пределах Внутреннего Дворца, достаточно богатства, чтобы украсить ее произведениями искусства и пышным убранством, на которые можно было купить приграничный город на далеких мирах. Под потолком висели позолоченные скульптуры херувимов и сказочных зверей. Кремово-белые шторы обрамляли портреты и картины, написанные яркими маслами: красные небеса, зеленые поля, синие воды. Острова обитых кресел и диванов стояли на толстом ковре цвета снега. Из парящих сфер-светильников бил мягкий свет. Окна отсутствовали, их заменяли пейзажи древних пасторалей, написанных масляными красками. Когда-то здесь могли сидеть и размышлять о мире снаружи, как просто идее. Даже, когда силы Гора заполонили небеса, здесь мог оставаться

островок покоя, даже если этот покой был ложью. Когда-то, но больше нет.

Стены забрызгала кровь, застывая каплями на лицах позолоченных херувимов. Переплетением конечностей лежали тела, одни сваленные в кучу у стены, другие там, где скончались. У большинства были резаные раны. Ковер впитал кровь и телесные жидкости. Груды трупов и мокрый пол кишели умирающими насекомыми и их яйцами, создавая впечатление, будто тела дергаются и шевелятся. На полу лежали хрустальные бокалы. Остатки вина были того же цвета, что и свернувшаяся кровь.

Мауэр позволила тошноте стихнуть. Она сделала шаг к раненому ею мужчине. Ее обувь хлюпала по ковру. Пройдет немного времени и нить жизни Фаддея Рихола-Сена истончится до последнего истертого волокна. Но времени для последнего вдоха и ответа на вопрос достаточно.

- Зачем ты это сделал? - тихо спросила она.

Он дернулся. Выросший на губах красный пузырь лопнул.

- Явь - это отчаяние... - прошипел он. - Теперь они будут вечно видеть сны.

Мауэр медленно кивнула и выпрямилась. Навела оружие и выстрелила. Стоявший рядом солдат в алой броне взглянул на мертвеца.

- Больше ни о чем не хотели его спросить?

- Нет, - ответила она и повернулась к двери. Снова опоздали. У нее было чувство, что эта ситуация будет повторяться. В глубине дома раздались выстрелы дробовиков - штурмовая команда зачистила остальные комнаты на этом уровне. Будет так же, как и везде. - Заберите наших погибших, и как закончите зачистку, впускайте команды огнеметчиков, - приказала она, выходя из комнаты.

- Улики не собирать? - спросил солдат в алом. Его звали Сольша, и раньше он был арбитром, теперь он стал чем-то вроде ее заместителя. Она знала, что он не хотел этого назначения, и оно ему не нравилось.

- Улики чего? - спросила она, повернувшись к Сольше. - Он такой же, как и прочие - не смог справиться с реальностью, в которой оказался.

Сольша посмотрел на разбросанные по полу трупы. Их отражения текли по серебру его маски. - Это... - Не то, о чем стоит думать, - закончила Мауэр. - Приберитесь здесь. Четыре часа на отдых, а затем возвращайтесь на базу.

Она не стала ждать ответа и вышла из комнаты. Четыре часа. Нужно будет написать отчет, каким бы формальным и бессмысленным он ни был. Казалось, что даже возможная гибель Империи не покончит с необходимостью в бумажной работе. Хотя, возможно, пришло время доложить лично. Да, вероятно так и надо - кто-то должен знать, что ситуация ухудшается. Она была уверена, что им, скорее всего, не о чем беспокоиться, но она когда-то сделала карьеру на неприятных, но необходимых делах. Она может доложить позже. Сначала ей нужно посвятить немного времени себе. Может быть, часок, всего час подальше от людей. Она, в самом деле, хотела побыть на воздухе, даже если он вонял статикой пустотного щита. Воздух, и возможно, выпивка. Всего один бокал. Но не сон. Она не хотела спать.

Пещера 361, уровень семь подземного убежища, Санктум Импералис Палатин

Они называли его накалом. По традиции в Коллегии Титаника и марсианском жречестве мысленный интерфейс между титаном и экипажем назывался манифольдом, но для Легио Игнатум он был чем-то

большим. Соединенный прямой нейронной связью, он не был пространством ни человеческих чувств, ни наведения на цель и ни системных данных. Он был союзом двух, миром, созданным соединением, слиянием человека и машины. Данные становились чувствами, чувства становились данными. Воля принципсов, усиленная их модератусами, становилась действиями боевой машины, которая могла уничтожить армии и сравнять с землей города. Это был механизм, фундаментальная биомеханическая подсистема. Однако это была одна часть правды, которую можно было понять без погружения в эту реальность. Для командиров титанов Легио Игнатум манифольд не был механизмом или обменом командами. Это был огонь. Божественный огонь. Мир, созданный молнией между человеком и божественной машиной, жизнь, прожитая во вспышке молнии.

Воплощенный.

Пылающий.

Накал...

Мир был красным. На периферии чувств Тетракаурона кружились призраки зеленых тактических данных. От него исходили сферы света, мигая оранжевым, желтым и белым.

<Машина!> Внутри него взревел крик, и он почувствовал справа угрозу-присутствие. Он повернул голову. Поршни выдвинулись, сенсоры дотянулись до мерцающих образов клубов дыма и корпусов мануфактурума. Из-за леса дымовых труб появилась бегущая вражеская машина. Земля затряслась. Тетракаурон вспыхнул яростью. Красные прицельные мандалы побелели. В синапсах взревели данные. На кулаках вражеской машины зажужжали цепные зубы размером с мечи. Враг был быстрым, таким быстрым. Под его поступью взорвались топливопроводы. Железобетонные дорожные плиты разлетелись осколками.

<Огонь!>

<Заряжание основного вооружения...>

<Попадания по пустотной оболочке...>

Мантия из щитов затрепетала от огненных пузырей. От низких зданий слева исходил блеск огня.

Вражеская машина приближалась, ускоряясь. Ее поступь была раскатом грома.

А он шагал ей навстречу, один шаг за другим, вперед к убийству.

<Огонь!>

<Рано. Рано!>

<Основное вооружение заряжено.>

Его конечности пылали. Сердце стало солнцем.

<Зарядить вспомогательное!>

<Производительность реактора девяносто три процента и растет. Достигнут красный уровень допустимого предела.>

<Заряжание вспомогательного вооружения.>

<Производительность реактора на допустимом пределе.>

<Цели захвачены.>

<Огонь! Огонь! Огонь!>

И инстинкт излить ярость, не уступавший его воле, рвется вперед.

Вражеская машина была здесь, в шаге от него. Черное и красное железо. Кулаки – молнии, лицо – маска цвета слоновой кости. Она сделала последний шаг, кулак поднялся с гулом вытянувшихся поршней. Прицельные сетки в глазах Тетракаулона цвета раскаленного кованого железа.

<Огонь!>

<Да.>

Белый свет. Ослепляющий. Сжигающий сетчатку. Пустотные щиты рушатся, как листы стекла. Броня превращается в пар. Лицо цвета слоновой кости обугливается в пекло...

<Машина уничтожена.>

<Запущен протокол выхода из погружения.>

Блеск потускнел.

<Нет!> Выстрелила мысль, когда зрение рассыпалось... на фрагменты серого пепла на ветру.

<Принцепс Тетракаурон, приготовьтесь к разрыву соединения.>

Нет...

Но ни слово, ни его воля не смогли удержать растворившийся мир. Цвета, жар и ярость поблекли до серости.

Он открыл глаза.

Зрение наполнил другой мир: металл, тусклый камень и сочащийся с инфоэкрана свет. Он видел. На затянувшуюся секунду его не отпускали ощущения накала. На серый мир наложился прицельный захват и отраженные сигналы ревущего ответа реактора. На этот миг он находился в двух мирах, чувство ограниченного тела тянулось к чему-то огромному и великолепному. В глазах все еще кружились образы боевых данных. Задержанное дыхание в груди напоминало рев звездного пламени. Искра его воли – руины городов... И все-таки он находился здесь, снова в паутине из жил и плоти, вытянутый обратно в свинцовое ощущение мышц и конечностей на троне.

Вторым чувством вернулся запах. Воздух вонял человеческим потом, несомненно, его собственным, разбавленным пряным запахом электростатики. Он находился в молитвенной палате, сидел на железном троне. От которого к стоявшим вдоль стены машинам вились кабели. Ядро группы адептов его семьи заполняло ряды пультов управления, в их глазах отражались свет экранов. Всего лишь сорок пять из тех, кто нужен для реального управления титаном в бою.

- Разъединение завершено, - голос технопровидца Ксета-Бета-1 звучал гармонией машинных нот. - Подтвердите сенсорную регармонизацию.

Он моргнул, все еще приспосабливаясь к ощущению сердцебиения в груди и дыхания сквозь зубы.

- Подтвердите сенсорную регармонизацию, - повторила технопровидец.

- Подтверждено, - сказал он.

- Передайте дополнительное аудио подтверждение, принцепс.

Тетракаурон заскрипел зубами и заставил язык двигаться. Он сглотнул, но горький привкус не прошел.

- Идет во всей красе, - сказал он, пережевывая слова, будто кусочки хряща.

- Пожалуйста, полностью и четко, принцепс.

- Она идет во всей красе подобно ночи^[1], - сказал он, выговаривая старую знакомую фразу подтверждения. - Я полностью развоплощен, Ксета, призрак пламени мной не манипулирует. - Он посмотрел на свою руку, лежащую на подлокотнике трона, и отбросил ощущение, что она не его. Пальцы сжались. Он поднялся и сделал шаг.

Шаг... поршни вытянулись. Земля задрожала. Гиромеханизмы закружились, когда вес божественной машины двинулся по земле.

Его нога в ботинке зазвенела о решетку.

- Ваши первые смертные шаги сегодня немного тяжеловаты. - Ксета-Бета-1 выскользнула перед ним, при движении дюжина медных ног звенели о палубный настил. Над плечами изогнулись сочлененные хромированные руки, держа перед ней четыре инфопланшета. Он стучала по ним размытым пятном пальцев. Они все еще были из плоти. Тетракаурон однажды спросил у нее, почему она не сменила их, а она ответила, что это трагедия, но аугметика несравнима с ловкостью и обратной связью костей, нервов и связок. Конечно, ее нынешние кисти не были родными, те она потеряла из-за выброса плазмы на Сахбе-21. Трансплантаты она получила от марсианского мастера, и их соединили руками, которые были механическими от кистей и выше. Для технопровидца, которой доверяли защиту духа и систем титана, она была эксцентричной, а ее речь приправлена точной поэзией органического языка. Нрав, несмотря на строгость, питал слабость к полетам случайных размышлений. Многие марсианские жрецы, которые следовали бескомпромиссной вере, сочли бы ее балансирующей на грани ереси. А еще она отлично подходила Легио, словно тот был ее племенем и любовью всей жизни.

- Бог-машина все еще отражается в вашей крови? - спросила она, оторвав взгляд от инфопланшетов. Квадроокулярные линзы глаз зажужжали, перефокусируясь.

Он поморщился, когда по телу прошла волна призрачного ощущения от выстрела орудия. И кивнул.

- Мы должны руководствоваться, - сказал он, - шестеренкой и нашим кодексом для приближающегося боя.

Ксета не ответила. Она уже направлялась к другим колыбелям, в которых находились Дивисия и Карто. Двое модератусов обладали привилегией выхода из чувственного погружения сразу после него. Его возвращение первым должно было служить знаком его звания, но Тетракаурон считал, что более длительное соединение было бы более подходящим признанием статуса. Тем не менее, традиции не менялись, менее всего в Легио Игнатум, самом старом и самом заслуженном из первой триады легионов титанов, ступавших по поверхности Марса.

Он поскреб интерфейсный разъем в затылке. Тот все так же чесался при разъединении. Его

ремонтировали и совершенствовали тридцать пять раз, но зуд не проходил. При последнем ремонте Ксета вслух поинтересовалась: может ли быть дело в принципе, а не подключенном к нему священном оборудовании? Тетракаурон не ответил. Она почти наверняка была права. Обычно так и было. Он поморщился, когда из-за отраженного сигнала реакторных данных в глазах на секунду побелело.

Зал, в котором он пробудился, находился в одной из глубоких пещер под Императорским дворцом, освященных и переданных Коллегии Титаника, их экипажам, вспомогательным группам и богам-машинам. На данный момент он был, по существу, дома.

Он услышал в помещении произнесенные на распев команды Ксеты и стук инфокабелей и поршней отсоединения ограждений вокруг тронов двух модератусов. Они неуверенно поднялись со своих мест. Дивисия была высокой и упитанной, пряди ее волос – цвета электрик и кислотно-зеленого. Щеки покрывали красные геометрические фигуры. Когда он сделал шаг и поморщилась, блеснули хромированные зубы. Карто словно был создан для идеального контраста. Низкий и тонкий, словно лоза, кожа лица натянута на тонкие кости, по бритому черепу струились ярким пламенем красные, золотые и черные электротатуировки. Когда он поднялся, лицо осталось бесстрастным, хотя внутри мужчина рычал от неприятного ощущения.

- Вы оба выглядите ужасно, - сказал им Тетракаурон.

- Почтенный принцепс-сеньорис... - начала Дивисия и ее стошнило. Рвота забрызгала металлическую палубу. Тетракаурон и бровью не повел. Дивисия после развоплощения страдала сильнее большинства, всегда так было. Ее связь с накалом была тесной. Вскоре она станет принцепсом машины. Это было правильно; она заслужила это и доказала себя достойной этой чести. Он будет скучать по ней. В мире, где они оба были одним целым с «Регинэ Фурорем» она была частью Тетракаурона, их воля и инстинкты сплетались в источнике духа бога-машины. С ее уходом он лишится части себя. Дивисию снова вырвало, она глубоко вдохнула и выдавила из себя то, что собиралась сказать. - Почтенный принцепс-сеньорис и сам выглядит не менее ужасно.

- Соглашусь, - сухо заметил Карто. Второй модератус стоял прямо, но раскачивался, пытаясь восстановить равновесие.

- Вы оба ошибаетесь, - сказал Тетракаурон и улыбнулся. - Я выгляжу намного, намного хуже, чем ужасно. - Ксета издала звук мягко прокручивающихся шестеренок, что, вероятно, было заменой смеха. Дивисия выпрямилась и изогнула бровь. Цвет радужных оболочек сменился на огненно-оранжевый.

- Это максимум, на который вы способны? - спросила она.

- Хочешь сказать, что ты могла с легкостью справиться лучше, модератус? - ответил он.

Она наклонила голову в бок, словно размышляя.

- Определенно, да, - заявила она.

Он улыбнулся - движение на миг отстало от его ощущений - и открыл рот для ответа.

По залу разнесся поток машинного кода.

Тетракаурон, Дивисия и Карто с идеальной синхронностью повернулись. От открытой ирисовой заслонки дверей в дальнем конце зала к ним направлялась фигура. Красная мантия волочилась под и за ней. К ней цеплялась маслянистая дымка активированного антигравитационного устройства. Капюшон с черно-

белой шахматной каймой покрывал половину массы из кабелей и зеленых линз, которые находились приблизительно там, где предполагалась голова у обычного человека. В зале активировались оружейные серверы. Прицельные лучи потянулись к движущейся фигуре. Ряды адептов семьи повернулись, машинные пальцы замерли над клавиатурами, на экранах мигали инфомаркеры.

Из-под мантии приближающейся фигуры поднялась медная конечность. Коротко сверкнул свет, и серверы замерли, орудия отключились.

- Что ж, это не сулит ничего хорошего, - пробормотала Дивисия.

Парящая фигура остановилась в шести шагах от них. Тетракаурон зубами чувствовал пульсацию ее гравитационного поля. Массивная голова повернулась, и в воздухе раздался очередной поток машинного кода. Ксета ответила, код технопровидца был мелодией в сравнении с рыком незнакомца. Тот снова обратил глазные линзы на принцепса. Тетракаурон отметил, что их было двадцать четыре, самые маленькие не больше ногтя, самые большие - шире кулака. Это был член жречества, и явно высокого ранга. Еще одна очередь кода. Тетракаурон наклонил голову и поднял брови. Зазвенели прикрепленные к челюсти серебряные кольца.

- Эмиссар должен передать свое послание аналоговым способом, - раздался рядом голос Ксеты.

Еще одна очередь.

- Да, вторичные средства коммуникации отсутствуют, - сообщила Ксета.

- Это храм машины, - заявил жрец. - Необходимость мараить его органикой оскорбительна.

- Оскорбительна для кого? - спросила Дивисия.

- Для машин этого места, для духов, которые движутся в священных интерфейсах, для богов-машин, что спят в хранилищах под нами.

Карто сделал два шага к жрецу, прежде чем рука Тетракаурона схватила его и оттолкнула назад. Модератус поднял руку, повернул голову, и принцепс ощутил эхо движения в своих нервах, поршни напряглись, чтобы поднять силовой коготь, газ хлынул в пневмосистемы, готовые выбросить его вперед. Удар максимальной силы. Убийство машины. Броня и плазма исчезают, и боевые горны провозглашают праведную победу...

Тетракаурон посмотрел Карто в глаза. Модератус отступил.

- Кто вы? - спросил Тетракаурон, повернувшись к жрецу.

- Я - уполномоченный Геронтий-Чи-Лямбда, эмиссар генерала-фабрикатора.

Тетракаурон кивнул.

- Скажите, - осторожно обратился он, - ваша роль в качестве эмиссара включает доступ к данным на наш Легио?

- Да.

- И не может быть, чтобы высокий функционер священной шестеренки не просмотрел эти данные перед тем, как войти в святилище нашего Легио. - Он повернул голову, впившись взглядом в Геронтия-Чи-Лямбду. - Не может быть, чтобы от внимания такого функционера ускользнул тот факт, что Легио, в

который он пришел, один из старейших. – Он шагнул к техножрецу. – Что Легио был домом инкарнаций разрушения Омниссии с самого рождения истины нашей веры... – Еще один шаг. Огонь охватывает его ядро. – Что он сжег больше врагов, чем кто-либо еще. Что он ступает по воле одного лишь Бога-Машины... – Шаг, шаг, все внимание вперед. Глаза цели жужжат. – Что те, кто сопровождает его, живут только ради этой цели. – Цель на расстоянии одного метра. – Что связь между нами и нашими машинами – единственное, что нас связывает с Омниссией. – Цель не отступает. Достигнута оптимальная дистанция для использования оружия ближнего действия. – Что мы не пятнаем нашу связь с богом аугметикой, ноосферой или кодом... – Его лицо на расстоянии ширины ладони от посланника. Оружие заряжено. Цели определены. – Что мы говорим не его голосом, но своим собственным, и что осквернение этой традиции – не оскорбление. Это вызов. – Оружие стреляет по команде.

Геронтий-Чи-Лямбда отодвинулся назад. Тетракаурон улыбнулся и ощутил в крови эхо плазмы, поступающей в зарядные катушки.

– Но ни один эмиссар генерала-фабрикатора не будет настолько глуп, – сказал он. – Так что, я должен предположить, что вы не провели полный анализ данных перед приходом сюда.

Геронтий-Чи-Лямбда сместился с места, над которым парил. Тетракаурон заставил себя расслабиться, взглянув на Дивисию и Карто. Оба смотрели на посланника с фокусировкой орудийного ствола. Они почувствовали изменение в агрессивной позе принцепса и повторили его, мышцы лиц, челюстей, плеч и конечностей медленно расслабились, словно последовательно выпущенные раздвижные опоры и поршни. Он позволил жару гнева остыть, пока тот не стал всего лишь тлеющим угольком в его нутре.

Он знал Геронтия-Чи-Лямбду или скорее ему подобных. Не марсианин, но один из тех, кто родился и обучался на одном из миров-кузниц или в машинных владениях, отвоеванных Великим крестовым походом. Непримиимые в своей интерпретации истины Омниссии, не имеющие глубоких традиций и жаждущие подчинить своей воле вселенную. Для таких людей чистота важнее истины, а в предательстве Кельбор-Хала и половины Механикума они увидели одновременно подтверждение и возможность для навязывания своей точки зрения. В генерале-фабрикаторе Кейне они нашли союзника и вершили его волю с прямолинейной беспощадностью, подпитывая жестокие расчеты его разума. Тетракаурон не мог принять их сторону и такое отношение, определенно, было взаимным.

Легио Игнатум был древним, одним из Триады Феррум Моргулус – первых легионов титанов, которые отправились в бой в самые ранние эпохи. Духи их богов-машин жили в механизмах, созданных утерянными кузнями и огнями. Эти пресвятые воплощения ярости Омниссии на войне следовало почитать. Тем не менее, Легио не кланялся и не расшаркивался, и не выглядел, как жрецы этой новорожденной эпохи. Они жили ради пламени битвы и исполнения предназначения машин, которые охраняли. Принцепсы и модератусы не аугментировали себя больше необходимого для связи с подопечными. Они не спали, как смертные, но грезили в своих нейронных колыбелях, соединяя разумы с отголоском дремлющих богов-машин. Они жили огнем и яростью войны и железа. Это была священная связь, фундаментальная и всепоглощающая, молниевый разряд между железом и плотью, в котором Бог-Машина говорил в сверкающей реальности. Это пламя поглотило многих, но таковым было их предназначение: сдерживать пекло и становиться им, и жить в сердце и грезах их бога, пока они горели.

– Зачем вы пришли? – наконец, спросил Тетракаурон.

– Вас призвали, – ответил посланник. – Вас и весь ваш Легио. Вы будете сопровождать принцепса-максимуса Кидона, и все, кто следуют вашим приказам, будут сопровождать его вместе с вами.

- Мой командир - принцепс-максимус Кидон, а он не отдавал мне такого приказа.

Геронтий-Чи-Лямбда издал жужжание, развернулся и поплыл к дверям.

- Он отдаст вам такой приказ. Это достоверно. Через три часа, пять минут, шесть секунд. Принцепс, вы выполните этот приказ.

Тетракаурон смотрел, как техножрец выходит через двери и почувствовал, как нахмурился.

- Что это значит? - спросил низким голосом Карто.

- Не уверен, - ответил Тетракаурон. - Но у меня чувство, что это, скорее всего, наименее любимая мной особенность наших высоких и почетных связей с вечным и благословенным марсианским жречеством.

- Что за особенность? - спросила Дивисия.

- Политика, - ответил Тетракаурон.

ТРИ

Неотмеченное-неизвестное

Бозтарх

Изгой

Неотмеченное-неизвестное

Он не падал. Ему нужно было это помнить. Не падал. Не скользил вниз по склону тьмы. Не катился. Не кричал. Ему нужно было помнить, что здесь нельзя упасть.

- Олл...

Падение.

Звёзды.

Чернота.

Холод.

Горение.

Но он падал. Падал до самого низа. Вниз, в подземный мир. Туда, где спали кракены и были мертвецы. Они все были там: красные раны на белых лицах, кровь на руках, развевавшиеся в воде волосы. Все они. Неужели прошло слишком много времени? Неужели они забыли о нём? Узнают ли они его, все мертвецы прожитой в вечности жизни?

Он подумал о Медее, прекрасной, опороченной Медее с колдовским светом в глазах... всё это было так давно.

Он подумал о каменных и глинобитных стенах, что поднимались из пыли, и лоскутной зелени полей.

Дом. Дом для мальчика, который бегал по оросительным канавам с криками матери за спиной и смехом на губах. Дом целую вечность назад.

Он подумал о друге и герое, которого тащили по грязи за колесницей, пока он не превратился в окровавленную тряпку. Когда это было? Когда...

- Олл.

Он подумал об Орфее, бедном Орфее, который вышел из темноты и старался не оглядываться. Не оглядывайся назад. Не оглядывайся на то, что ушло. Не оглядывайся на то, что потеряешь. Не оглядывайся... Он не падал.

- Олл!

Он перестал падать.

Его глаза были открыты. Вокруг него стоял шум, похожий на звон бьющегося стекла и рвущегося шёлка.

- Олл, ты должен встать, - сказала Кэтт твёрдым голосом, глядя в пол. Олл моргнул. Он почти поднял голову, но остановился.

- Как долго? - спросил он.

- Пару секунд, - ответила Кэтт.

- Становится хуже, - сказал Рейн.

Олл начал подниматься. Он чувствовал себя замёрзшим, липким, как будто что-то выпило глоток из его вен и не вернуло его.

- Рядовой Перссон, - сказал Графт, и Олл почувствовал, как металлические конечности сервитора поддерживают его. - Я держу вас, рядовой Перссон.

Он снова моргнул. В глазах защипало. Ему всё время хотелось поднять голову.

- Кто считает? - спросил он, и услышал твёрдость в своём голосе.

- Три... - раздался голос Кранка, сначала сильный, а затем затихающий. - Три минуты, две... э...

- Ну же! - рявкнул он. - Счёт, сейчас же!

Кранк выругался.

- Три минуты двенадцать секунд, - ответила Кэтт. Кэтт, конечно, Кэтт. Иногда Олл задумывался, добрались бы они так далеко без неё. Она была не просто сообразительной и психически одарённой, она обладала острым умом.

Их было пятеро, пять человек, взятых из битвы на Калте, который теперь во всех смыслах был далеко. Ни один из них не остался прежним. По крайней мере, никто из них, кроме Олла. Среди них был Графт, бывший погрузочный сервитор Милитарум, в основном такой же, что и раньше, его механизмы и плоть работали без изменений, но его спину отягощало снаряжение, взятое из эпизода человеческого времени. Гебет Зибес, фермер, подёнщик, который задыхался и дрожал от увиденного, хотя уже не так часто. По-прежнему напуганный, но спокойный, закалённый, как кусок дерева, который держат в огне, пока тот не загорится. Бейл Рейн, солдат на войне, которой никогда не было, мальчик, ставший

мужчиной, пока шёл по проходам между мирами. Догент Кранк, солдат, который начал этот путь постаревшим душой и стал только старше. Потом была Кэтт: простая, тихая, очень тихая Кэтт – с такими тусклыми глазами и такая молчаливая в тот день, когда они покинули Калт. Теперь уже что-то другое. Все они – проблема Олла. Все они – люди, которые поддерживали его жизнь всё время, с тех пор как он прорезал щель в воздухе на Калте и начал это последнее путешествие. Все они не те люди, какими должны были быть.

- Что-то приближается! – предупредил Зибес. Он сидел на корточках, подняв лазган, не глядя в прицел. Слёзы текли по его щекам под краем очков.

Олл потянулся за компасом и обнаружил, что тот уже у него в руке. Игла превратилась в размытое пятно. Нечитаемое.

- Три минуты тридцать одна! – шипел Рейн.

- Нож! Где нож?

- Оно почти здесь! – крикнул Зибес.

И вы могли почувствовать это сейчас, поднятую волну его приближения, как дыхание из открытой дверцы печи.

- Рядовой Перссон...

- Три минуты тридцать девять!

Где нож?

- Рядовой Перссон, вам нужна помощь?

- Нам нужно уходить!

Нож... проклятый нож уже был у него в руке. Он его не увидел. Не почувствовал. Как будто секунду назад его там не было. Или его действительно не было.

- Три минуты сорок одна секунда!

Он посмотрел на компас. Игла резко остановилась. Он поднял нож.

Олл посмотрел вверх. В такой момент, чтобы сделать это, он должен смотреть вверх.

Вверх. Всегда вверх. Свет. Форма. Измерение. Цвет. Звук. Всё это растянулось вверх до исчезающей точки, когда Олл поднял взгляд. Он был размазан, растянут, нить материи, мысли и ощущения протянулась между ничем и вечностью. И боль тоже. Боль как факт, который просто продолжался и продолжался, как заикленный стоп-кадр. Вот что получается, когда так тонко режешь на краю времени и пространства; приходится идти по её изношенному краю. Зона раскола – вот как стала называть её Кэтт, и это было почти правильно, полагал Олл. Они оказались на краю того места, откуда ушли и где им нужно было быть. В этом месте существовало несколько правил, которым они научились за боги знают, как долго времени они пробыли в расколе. Не смотри вверх, не пропусти счёт, когда компас должен указывать верно. Не думай о падении. Не падай. Сделай разрез.

Сделай разрез.

Он поднял нож. Острие было чёрным осколком на периферии зрения.

Сделай разрез, Олл.

Пора.

- Оно здесь! - крикнул Рейн.

И Олл услышал звук, похожий на треск хрящей, похожий на сухую кожу, натянутую на кости. Он почувствовал дыхание на затылке, тёплое и зловонное. Оно было позади него. Оно всегда было у него за спиной. За ними охотилось множество тварей, но эта была близко, и, как бы они ни старались, она продолжала их находить. Всегда вне поля зрения. Всегда сразу за ними. Они поняли, что оно появилось шесть разрезом назад, но у Олла возникло чувство, что оно всегда было рядом с ними, терпеливое, а не быстрое, каждый раз ближе, как будто двигалось в мгновение ока.

- Оно... - голос Кранка повысился, стал прерывистым и пронзительным, жёсткий слой всего, что делало его солдатом-ветераном, треснул. - Оно... оно коснулось... меня. - Олл тоже это почувствовал. Пальцы у основания шеи, слабые и лёгкие, прикосновение кого-то в последние мгновения жизни, пытавшегося найти утешение. Ему хотелось кричать. Ему хотелось обернуться.

Он разрезал.

Натянутая кожа зоны раскола разошлась. Пространство открылось, когда нож в руке Олла скользнул вниз.

- Туда, - позвал он. - Быстрее.

Остальные пробежали мимо него, а затем он тоже прошёл через порез, и ощущение пальцев на спине и дыхания на шее исчезло.

Падение...

Теперь ему просто нужно было вспомнить о том, чтобы не падать.

Стратегиум Великое Сияние, бастион Бхаб, Санктум Импералис Палатин

Пока Мауэр ждала, она наблюдала и слушала. Звук в стратегиуме Великое Сияние казался грохотом прилива: отрывистые приказы, стук когитаторов, гул приглушенных голосов, пойманных в вокс-системах, и писк тревожных зуммеров. Мрак наполнял запах человеческого пота и перегоревших проводов. Бледное свечение гололитических и выводящих экранов освещало лица людей, сидевших за информационными и сигнальными постами. Центральное пространство заполняла проекция Императорского дворца. Красный и янтарный мерцали на ней от Внешнего барбакана и вокруг Вечной стены, ограждавшей внутренние районы Дворца. Каждая искра представляла собой идущий сейчас бой. В некоторых местах - Мармакс, Горгонов рубеж, Святая стена - осколки света рождались, росли и ширились прямо на глазах у Мауэр. Это могло показаться красивым, если бы не стоявшая за этим реальность. Враг по-прежнему атаковал, несмотря на то, что ему не удалось прорваться в Сатурнианском. Магнификан простирался на восток, огромное, тёмное пространство, лишённое света сражений, покинутое и завоёванное царство. Два месяца. Всего два месяца и несколько дней отделяли это запустение от города, которым оно некогда было. Независимо от побед, ход битвы не изменился -

было куплено время, не более того.

- Боэтарх. - Мауэр повернулась и подняла взгляд при звуке голоса Архама.

Магистр хускарлов не выглядел уставшим; космические десантники не уставали, но она заметила, что утомление играло с ними другую игру. В его взгляде появился стеклянный блеск, и напряжённость вокруг глаз и челюсти, как будто он сосредоточился на моменте только за счёт волевого усилия.

- Магистр хускарлов, - ответила она.

- Следуйте за мной, - произнёс он, кивнул в сторону боковой комнаты и направился туда, не оглядываясь. Мауэр мгновение смотрела ему вслед, а затем подчинилась. Она провела много времени, фактически целую жизнь, рядом с войной и наблюдала за тем, как война влияет на людей. Она знала их и то, как они меняются, столкнувшись с ужасом, когда их доводят до предела. Космические десантники не были людьми, но несмотря на всё, что было сделано для их создания, осталось наследие. Они могли быть сверхлюдьми, но этот статус начинался с человека и не оставлял его полностью позади. Если бы Архам был человеком, она бы сказала, что он действовал на грани стресса, усталости и контроля - функционировал, справлялся, но части самого его существа сжимались, когда на него давил вес самой большой и сложной зоны боевых действий в истории. Она задумалась, что это бремя делало с Преторианцем. Она знала, что оно делало с людьми командного эшелона: ничего хорошего и много плохого.

Дверь в боковую комнату закрылась за ней. На экране охранного ауспика, установленного на каменном столе в центре комнаты, мигнул зелёный огонёк. Стульев не было, и освещение оставалось холодным и тусклым.

- Становится всё хуже, - сказала она, не дожидаясь приглашения. - Три происшествия за последние четыре дня. Пятьдесят погибших на складе боеприпасов - старший префект просто отключил подачу воздуха. Когда мы нашли его, он отрезал себе веки. Целое общежитие перевалочного пункта материальных средств загорелось после того, как его подожгла погрузочная команда. Половина района получила смертельные дозы успокоительных наркотиков от врача-примуса, который добрался до водопровода. Сегодня утром старший командующий зоны был найден в собственном особняке с остальными членами своей большой семьи, разрезанными и сложенными, как брёвна.

- Я вас услышал. Эта информация могла быть предоставлена по обычным процедурам вашей службы, боэтарх. В следующий раз используйте их.

Архам начал отворачиваться, направляясь к двери. Мауэр почувствовала, как у неё сжались челюсти.

- Моей службы? - Мауэр услышала себя со стороны. Её голос был холоден. Архам обернулся. На его лбу всё глубже проступала хмурая морщина, на губах зарождались слова. Она заговорила раньше, чем он успел ответить. - Эта служба едва существует и её вообще не было шестьдесят дней назад, и если вы можете сказать мне, что означает титул боэтарх, уважаемый магистр хускарлов, вы окажете мне услугу.

- Вы существуете для того, чтобы не допустить, чтобы влияние войны вредило моральному духу среди командного эшелона и в тех областях, которые влияют и отвечают за его функционирование.

- И как мне это сделать, магистр Архам? - Он снова нахмурился. Она выгнула бровь. - Я вношу свой вклад в расстрелы, если вы об этом подумали, но правда состоит в том, что ни вы, ни Преторианец не знаете, что происходит в головах людей в этих стенах. Вы схватили меня и всех, до кого смогли дотянуться, присвоили нам новое звание, наделили полномочиями и послали решать проблему, которую

не можете объяснить и не знаете точно, как решить.

На его щеке дёрнулся мускул. Она не была уверена, было ли это признаком гнева или, что невозможно, веселья.

- Вы закончили? - спросил он.

- Даже не начинала.

Настала его очередь выгнуть бровь. Она выдохнула и расстегнула воротник шинели. На ней была полная положенная по званию официальная униформа: чёрный плащ с меховой подкладкой, серебряная эмблема нового командного подразделения префекта, застёгнутая между красными эмалированными пуговицами, идущими двумя линиями спереди. Пистолет лежал в лакированной кожаной кобуре на поясе, тяжёлой и неудобной по сравнению с обычным набедренным ремнём. Она даже начистила его, пока потёртый металл не заблестел. Пальцы чесались от малиновых перчаток. Часть её задавалась вопросом, кто нашёл время подумать о том, как должна выглядеть недавно созданная ветвь имперской власти. По крайней мере, обошлись без фуражки.

Архам ждал, молчаливый и неподвижный, с непроницаемым выражением лица. Она продолжала упорствовать:

- Я сейчас здесь, потому что становится всё хуже. Не просто чаще. Хуже, понимаете? Моральное состояние, преступления и зверства подобны волнам - они накатывают, приливы и отливы в людях, но у них всегда есть закономерность, причина и следствие. Толпа охвачена страхом, полк ослаблен трудностями, а затем отравлен мятежом. Командир, который сломался, потому что потерял всех близких и получил приказ вернуться на передовую. Причина и следствие. Вы можете отследить их. Если есть закономерность, значит, есть и причина. Но у того, что происходит нет ни закономерности, ни рациональной причины.

- Мы ведём войну за существование человечества в том виде, в каком мы его знаем, - сказал Архам. - Миллионы погибают каждую минуту. Разве этого самого по себе недостаточно?

- Нет, - возразила Мауэр. - Это не то, что происходит сейчас. Если бы это было так, нам, возможно, было бы лучше. - Архам выдержал её взгляд. - Человек, которого я казнила сегодня утром, был потомственным офицером Валхарской бронетанковой, его семья служила ещё на заре Объединения, даже раньше. Особняк был подарком за службу его предков Императору. Три недели назад он возглавил колонну, вернувшуюся из захваченного космического порта Львиные врата. Донесения с поля боя показывают, что его машина следовала последней - он был частью арьергарда, который сражался, прикрывая колонну до тех пор, пока они не достигли наших позиций. Три дня в танке с рвущимися вокруг снарядами. Ни передышки, ни сна. Воздушные удары. Люди сгорали заживо в подожжённых машинах. Он удержал всё это вместе, вероятно, спас восемьдесят военнослужащих и пару десятков танков. Если бы кто-то по-прежнему замечал такие вещи, его бы наградили и сделали бы из него пример для подражания. Этого было достаточно, чтобы заработать ему отпуск, двадцать четыре часа в тылу. Он родился во Дворце, поэтому отправился домой. Затем он накачал наркотиками свою семью и убил их всех.

- Психическая травма, яркий пример её воздействия на разум.

Мауэр покачала головой:

- Это не так.

- Откуда вы можете знать?

- Опыт, магистр хускарлов, - ответила она и услышала усталость в собственных словах. - То, что я видела. То, что я делала. - Она потёрла глаз, моргнула. Скоро ей понадобится доза стимулятора, чтобы не заснуть. - Этот человек, тот мертвец, которого застрелили сегодня утром, сказал, что сделал это, потому что проснулся от отчаяния. Он хотел, чтобы те, кого он убил, спали вечно. - Она некоторое время молчала. - Я уже слышала это раньше.

- Где?

- От каждого, кого удавалось взять живым.

- Этого нет ни в одном из ваших отчётов.

- Именно поэтому я и пришла. - Выражение лица Архама по-прежнему оставалось непроницаемым. Однако она знала, что за этими глазами двигался интеллект - такой интеллект, который мог удерживать, анализировать и понимать весь боевой план военной зоны без напряжения. Не то, чтобы он не понимал, но она не могла сказать, какой эффект произвели её слова за этим немигающим взглядом. - Как я уже сказала, становится всё хуже.

- И вы думаете, что это... - Он остановился, закрыл рот, потом продолжил: - Как вы думаете, что это?

- Я не знаю.

Архам медленно кивнул.

- Спасибо, Боэтарх Мауэр. Возвращайтесь к своим обязанностям. - Он подошёл к двери, открыл её и шагнул назад в главный зал стратегиума.

- И в чём состоят мои обязанности?

Он замолчал, на секунду оглянулся на неё, его взгляд был жёстким:

- Защищать нас, - ответил он и вышел, не сказав больше ни слова.

Мауэр моргала секунду, а затем пожала плечами.

- По крайней мере, это не заняло много времени, - сказала она себе.

Магнификан

Ветер пробудил Шибан-хана от сна о смерти. Он открыл глаза. Голубое небо. Полоса голубого неба в грязных облаках, что неслись по крыше мира. Он моргнул. Ветер обдувал лицо песком. Тишина. Только шум ветра. Приближалась боль. Он чувствовал это, шторм прямо за горизонтом.

- Кто ты? - раздался откуда-то сверху голос. Он попытался пошевелиться, но то, что сдерживало боль, также удерживало его на земле. Над ним промелькнула тень, быстрее, чем он успел моргнуть. Он снова попытался подняться. Неудачно. Он замер. Голубое небо исчезло. Теперь небо представляло собой море облаков цвета желчи и гноя, жёлтых и тошнотворно зелёных. Снова подул ветер, и он услышал, как неподалёку пошевелились камни.

- Кто ты? – спросил он, не успев подумать. По крайней мере, он мог говорить, даже если и не мог двигаться. Шторм боли приближался. Огонь вспыхнул на нервных окончаниях. Он вспомнил взрыв, а затем падение, вниз и вниз, всё ниже и ниже, подброшенный ветром, истекающий кровью. Вечная стена. Он был в космическом порту Вечная стена. Он упал с края небес... Вниз, в страну мёртвых.

- Нет, – сказал другой голос вне поля зрения. – Не мёртв. Ещё нет.

Он знал голос. Он просто не мог вспомнить...

- Тебе придётся встать, – сказал другой голос.

Мертвы, все мертвы, все те, кто стоял у Вечной стены. Брошенные в голодные пасти битвы; потраченные, как монета тирана; павшие, забытые и унесённые ветром.

- Это будет трудно, – заметил второй голос.

Его пронзила дуга боли. Какие повреждения может вынести физиология сверхчеловека? Он уже целовал смерть и знал её вкус. Она снова пришла, ухмыляясь, дыша ему в рот, когда буря боли пронзила его. Небо над ним исчезло. Белизна. Чистая, белая боль, простиравшаяся куда не кинь взгляд. Пустой мир без края, мир, где можно скакать вечно, где ничто и никогда не закончится.

Он вздохнул, чувствуя, как поток воздуха проникает в лёгкие, заставляя плато боли принять форму. Раздробленные кости. Прекрасная аугметика выдернута из плоти. Порванные кабели. Смятые интерфейсы нейронных машин. Кровь. Масло. Боль снова дугой пронзила его тело, словно молния над горными вершинами.

- В каком-то смысле обнадеживает, – сказал один из голосов. – В тебе ещё осталось достаточно, чтобы чувствовать так много боли.

Шибан усмехнулся. Звук получился влажным и взорвался новой болью в шее и груди.

- Я знаю, кто ты, – произнёс он.

- Да? – сказал один голос.

- Да? – повторил другой.

- Ты был там, когда меня переделали, – ответил Шибан. – Тогда ты тоже говорил со мной. Ты мёртв, Торгун. Ты – призрак разума, мастер Есугэй.

- Как скажешь, – произнёс голос Есугэя.

- Тебе придётся встать, брат, – сказал Торгун.

Шибан сначала пошевелил пальцами. Он обнаружил, что ничего не чувствует в правой руке. От этой попытки его чуть не свело судорогой. Мало-помалу он нашёл то, что осталось от его тела. Больше, чем он ожидал, но какая-то часть его не могла не задаться вопросом, не было ли это шуткой судьбы – однажды он уже чуть не умер, дважды был переделан и теперь снова сломан, но не настолько, чтобы умереть. У него осталось достаточно сил, чтобы вынести боль жизни.

Однако сам факт того, что жив был чудом. Он упал с такой высоты, что смерть должна была быть неизбежной. Как бы то ни было, повреждения оказались значительными и затронули каждую частичку его тела, но оставили в живых. Он был уверен, что во многом это произошло благодаря работе

техножрецов во второй его переделке. Тонкая и изящная аугметика, которую Механикум вживили в его плоть и кости, была не какой-то обычной и грубой заменой; это были усовершенствования. Кибернетические вливания скрепили раздробленные кости, керамитовые и адамантовые пластины покрыли череп и суставы, биопластеки и нейронные трансплантаты пронизывали тело. Всё это было интегрировано со специально изготовленной броней, так что плоть, аугметика и боевые доспехи легко работали вместе. В его случае различия между телом и машиной исчезли. Ему сказали, что его не просто отремонтировали, но что со временем он превзойдёт даже ту скорость и ловкость, которыми обладал раньше. Этому обещанию теперь не суждено было сбыться, но благодаря мастерству техножрецов он пережил невозможное.

Правда о его положении всплывала с каждым изучающим движением. Повреждения оказались тонкими и коварными. Ничего не оторвано, ничего не разорвано. Самым очевидным признаком боли был порез, протянувшийся по правой руке от локтя до запястья. Засорённое масло и свернувшаяся кровь запекли трещину в броне. Пальцы двигались, но без ощущения. Остальные раны пронизывали каждую часть его тела - раздавленные мышцы, тысячи трещин, проходивших через кости, керамит и металл. Как будто его раздробили молотами, но каким-то образом не повредили кожу.

Боль ослепила его дважды, пока он заставлял себя подняться. Кислота и медь жгли ему рот. Оказавшись в вертикальном положении, он резко наклонился вправо, сгорбившись, как старик под тяжестью ноши. Раскаты боли прокатились по нему и не собирались останавливаться. Над ним плыл купол отравленных облаков. Ветер поднял волну пыли, которая скрежетала о его доспехи.

Он выдохнул и огляделся. По-видимому, он упал на широкий нанос пепла и пыли. На гребне ближайшей дюны возвышались металлические остовы здания. Две оборванные птицы сидели на торчавшем из земли металлическом шесте. Они смотрели на него чёрными жемчужными глазами. Терранцы называли их воронами-грифами, но они не были ни воронами, ни грифами, а чем-то, что было выведено временем, загрязнением окружающей среды и пищей из мусорных куч. Грязные чёрные перья покрывали их тела и крылья, а радужное оперение - шеи и головы. Клювы у них были чёрные, острые и гладкие. Они были искателями падали и наблюдателями за мертвецами. За последние месяцы их убийственные стаи распространились по земле так же густо, как облака дыма. Для них эта последняя война человечества стала настоящим пиром. Шибан рассмеялся.

- Значит, меня разбудили ваши тени, - произнёс он. - На ваш вкус, я достаточно близок к смерти?

Птицы не ответили, но зашевелились, потрепанные чёрные перья взъерошились. Он увидел, что ещё дальше, на мешанине балок, выступавших из пыли, собралась стая.

- Вы двое самые храбрые, да? - сказал он паре, но слова превратились в мучительную рвоту, которая послала вспышку боли по всему телу. На секунду мир превратился в белый лист. Он не упал. Когда он открыл глаза, вороны-грифы никуда не делись. Он сглотнул. В горле и во рту пересохло. Плохой знак. Он сделал шаг, почувствовал, как боль пронзила его насквозь, и зарычал. Этот звук заставил некоторых птиц подняться из путаницы балок. Он поднял голову и проследил за ними взглядом.

Пустошь из пыли и щебня тянулась до горизонта, где разбитые здания цеплялись за охряные облака. Он медленно повернул голову, отмечая почти незаметное изменение света за облаками, чувствуя ветер и читая узоры всего, что он мог видеть. Он был в Магнификане, где-то в зонах к западу от космического порта Вечная стена - в сотнях километров к западу, в месте, чьи черты были размыты приливом войны, затопившим миллионы квадратных километров Великого дворца, приливом, который теперь пошёл дальше. Поля сражений, которые за месяцы и недели боёв опустошили всё вокруг.

Шибан выдохнул. Ему предстоял долгий путь. Он позволил себе секунду не двигаться, а затем посмотрел на оставшуюся пару воронов-грифов, сидевших на ближайшем шесте.

- Мне придётся позаимствовать ваш трон, - сказал он. - За это я прошу вашего снисхождения. - Птицы не двигались, пока он не протянул руку, чтобы схватить шест. Они зашипели и стали медленно подниматься в небо по спирали. Шибан сжал шест и дёрнул. Тот освободился от того, что удерживало его под пылью. Он повертел его, проверяя вес. Пласталь, пустая в середине, помятая и ржавая, возможно, подставка для вывески или опора уличного фонаря.

- В эпоху перемен всё обретает новую цель, - раздался за спиной голос Есугэя.

Шибан крутанул шест, затем стиснул зубы от поднявшейся внутри волны тошноты и боли. Он крепче сжал шест и посмотрел на точку на горизонте, где, по его мнению, должен был находиться Внутренний дворец. На мгновение на горизонте запульсировал оранжево-белый свет. Над головой кружили вороны-грифы.

- Ни шагу назад, - сказал он и отправился в путь.

Покои командного подразделения префекта, Санктум Импералис Палатин

Синее мерцание поступающих данных мелькало и распространялось по помещению. На полу стопками лежали листы бумаги и инфопланшеты. Переплетённые папки отчётов образовывали шаткие бумажные башни. Луковичные экраны шипели от статики и вспышек пикт-изображений. Единственный функционирующий светящийся шар отбрасывал тусклый жёлтый свет на клёпанный железный стол. Патроны ручной пушки усеивали поверхность, сверкая медью. Здесь пахло статикой и пространствами, где люди слишком долго дышали без вентиляции. В неподвижном воздухе висело тяжёлое марево. Дверь в боковой кабинет, где Мауэр отдыхала - спала, когда больше не могла не спать - была приоткрыта.

Эти комнаты и башня, в которой они располагались, представляли собой неиспользуемое архивное пространство, размером с одно из зданий нового Администратума, построенное, но так и не заполненное. Командное подразделение префекта сделало башню своим домом за последний месяц, с суетливой тщательностью вливая людей, оборудование и остатки жизни. На вершине башни, под посадочными площадками расположили тюремные уровни. Кабели для передачи данных змеились по лестничным клеткам. Гнёзда для киберптиц усеивали внешние стены. Вещи накапливались, потому что не было времени, чтобы положить их куда-нибудь в другое место. В командном подразделении префекта было не слишком много людей, но всё равно в башне стало тесно. Как самый старший действующий офицер группы, Мауэр сама выбирала комнаты. Она выбрала ту, в которой было окно.

Она огляделась, не видя беспорядка. Молот усталости тяжело обрушился на неё. Она была молода телом благодаря должности и службе, которые принесли омолаживающее лечение, но всегда думала, что возраст живёт не только в крови и сухожилиях. Генная очистка, укрепление костей и восстановление органов означали, что вы могли проскальзывать через двери и стрелять из пистолетов, как будто вам было тридцать, но в остальное время вы несли все прожитые семьдесят пять. У неё не было ни минуты отдыха со времени последней исполнительной операции - разбор действий штурмовой группы, полный письменный отчёт, переодевание в соответствии с её званием, затем путешествие в Великое Сияние и обратно, всё время думая.

- Надо было сказать нет молодости, - пробормотала она. - Будь я старухой, у меня был бы веский

предлог держаться в стороне.

- Сомневаюсь, - раздался голос из бокового кабинета. Мауэр выхватила пистолет и нырнула в сторону, прежде чем слова полностью дошли до неё.

“Женщина, - подумала она. - Судя по голосу молодая. Уверенная в себе”.

Она подошла к двери. Другой человек на её месте, человек, соблюдающий благоразумие или протоколы военного времени, либо разрядил бы половину пистолетной обоймы сквозь дверь, либо вышел бы из покоев, закрыл их и вызвал охрану. Мауэр же ударила ногой в дверь и вошла, держа пистолет наготове.

В углу комнаты на койке сидела девушка в сером. Хромированная грива волос свисала с её головы. Кожа была бледной. Глаза, которые оторвали взгляд от разложенных перед ней инфопланшетов, были тёмными.

- Если хотите лёгкой жизни, - сказала девушка, - лучше стреляйте.

Мауэр опустила пистолет. Она знала девушку.

- Архам послал вас, - сказала она.

- Архам, Малкадор, провидение, судьба - выбирайте, - ответила девушка и снова посмотрела на данные, которые прокручивались зелёным цветом на одном из инфопланшетов. Мауэр убрала пистолет в кобуру и вернулась в главное помещение. Она подошла к столу и поискала коробочку стимуляторов. Она нашла их под стопкой донесений младших осведомителей. Таблетки были оранжевыми и белыми, для старшего офицерского состава, помогавшими в длительных циклах патрулирования. Она проглотила две.

- Вы были дисциплинарным офицером, - раздался голос девушки.

- Вы правы, - ответила Мауэр, не потрудившись повысить голос, но девушка, казалось, без проблем слышала из соседней комнаты.

- Не слишком ли все это недисциплинированно для такой, как вы? Я ожидала увидеть стандарт Муниторума. Простыни, выглаженные до совершенства. Сапоги с зеркальным блеском. Всё уложено и в порядке.

- Думаете, это и есть дисциплина?

- Так думает армия.

Мауэр ущипнула себя за шею и поморщилась. Потребуется некоторое время, чтобы доза подействовала. Она подошла к окну. Это было арочное решётчатое стекло, которое тянулось от пола до изогнутого потолка. Стекло покрылось пылью. За ним к тёмному небу поднимались башни и купола Внутреннего дворца. Снова наступила ночь. Молнии потрескивали в облаках, образовавшихся на внутренней поверхности пустотных щитов. Огни усеивали горизонт - свет зданий, которые теснились на сотни километров между этим местом и стеной.

- Вы знаете, кто я, не так ли? - спросила девушка. Она вышла из смежной комнаты почти бесшумно.

Мауэр пожала плечами, но не повернулась.

- Моя работа - знать, кто вы, Андромеда-17. Я знаю, что вы одна из Селенара, возможно, единственная на Терре. Я знаю, что к вам прислушивается регент. Что вы выполняли работу как для регента, так и для

Преторианца.

- Вы гордитесь этим, не так ли? - спросила девушка. - Что знаете, я имею в виду, что компетентны.

Мауэр рассмеялась.

- Да, - сказала она. - Горжусь.

Воцарилось молчание. Вдалеке сверкнула молния.

- Вы также не собираетесь спрашивать меня, почему я здесь, - сказала Андромеда-17 через некоторое время. - Не так ли?

Девушка смотрела на Мауэр немигающим взглядом.

- Мы дойдём до этого в конце концов, не так ли? - сказала Мауэр. - Вряд ли вы уйдёте, не разобравшись с тем, что привело вас сюда.

- Верно замечено.

Ещё одна пауза. Мауэр почувствовала, как стимуляторы начинают проникать в пространство за её глазами. Она ощутила на зубах привкус соли и металла. Мир стал немного резче.

- Архам послал вас, - повторила она.

- "Послал" - слишком сильное слово. Магистр хускарлов говорил со мной, да. Он обеспокоен тем, что вы сообщили.

- Он не казался таким, когда я с ним разговаривала.

Теперь пришла очередь Андромеды рассмеяться.

- Не в их характере показывать, о чём они думают. Большинство Астартес действуют по узким линиям мышления и поведения, и Седьмой легион больше всего. Он услышал, что вы сказали, и не знал, как это решить, поэтому пришёл ко мне.

- Прямо к вам? - спросила Мауэр. - Не Сигиллиту или Преторианцу?

- Они всё равно сказали бы прийти ко мне. Я - текущий фактор. Это моя природа и избранная функция - течь вне линий. Я предоставляю взгляд со стороны. Ваша проблема - это моя проблема.

- Гордитесь этим, - сказала Мауэр, и посмотрела на Андромеду. - Не так ли?

Андромеда слегка пожала плечами и улыбнулась:

- Мы должны быть чем-то довольны, не так ли?

Мауэр повернулась, прислонилась спиной к окну с видом на панораму Дворца и скрестила руки на груди. Андромеда сидела на железном столе, поджав под себя ноги. Её хромированные волосы казались золотыми в тусклом свете светящегося шара. Девушка не вспотела, несмотря на жару.

- Похоже вы ознакомились с моим письменным отчётом, - заметила Мауэр.

- И всеми вашими полевыми отчётами, и всеми собранными вами необработанными данными и донесениями разведки - сверху донизу, плоть и кости.

- И?

- И я согласна. Есть резкий рост определённого рода отчаяния и идей...

- Идей разрезать людей на куски или разорвать их на части, чтобы спасти от пробуждения, или отправить их спать, чтобы они могли наслаждаться сновидениями.

Андромеда кивнула:

- Более или менее. Насилие - это следствие идей, но идея - это её сердцевина, отвратительная часть, пагубная часть.

- Причина и следствие, - сказала Мауэр.

- Если можно так выразиться, - ответила Андромеда.

- Вопрос в том, почему.

- Да ладно, бозтарх, - фыркнула Андромеда. - Я прочитала и проанализировала все данные о вашей личности и интеллекте. Вы знаете ответ, даже если та часть вас, которая по-прежнему является солдатом и хранителем правил, не хочет его произносить - варп, ответ - варп. Море душ, необъятный имматериум, из которого наши умы черпают невыразимое и приходят все отрицаемые ужасы. Вы не должны знать об этом много, но, как вы сказали, вы гордитесь тем, что знаете, и очень компетентны, поэтому вы так или иначе узнаете то, что вам нужно.

Выражение лица Мауэр не изменилось. До сих пор каждое слово, сказанное девушкой, было столь же точным, сколь и снисходительным.

- Инфекция, - сказала Мауэр, - выпущенная врагом и распространяющаяся по нематериальному царству, заражая людей и ввергая их в пучину насилия.

- Я так не думаю, - сказала Андромеда, наклонив голову и прикусив губу. - Варп не совсем такой. Он не просто другое место, похожее на это. Псайкеры говорят, что он как вода в океане. У него есть течения, отливы и приливы - он пластичен, восприимчив и имеет причины. Все его ужасы паразитируют на сознании. Когда любой человек думает о чём-то или чувствует эмоцию - имматериум реагирует. Одна испуганная душа - это рябь на поверхности. Она поднимается и снова погружается в ничто. Множество охваченных ужасом душ создают рябь, которая становится сильнее. Они встречаются, складываются вместе, и становятся волной ужаса. Она встречается с другой волной и растёт, увлекая за собой течения. Вскоре она станет достаточно большой и сильной, чтобы не рассеиваться, и не имеет значения, какие другие волны она встретит, они просто будут поглощены.

- Эта... волна в варпе, - сказала Мауэр, выгнув бровь. - Она и есть идея, да? Она обрушивается на людей во Дворце, доводя их до безумия?

- Не безумия, - резко возразила Андромеда. - Нет ничего безумного в отчаянии или желании сбежать. Не в обычных обстоятельствах и, тем более, не сейчас. В том-то и дело, что волна не просто обрушивается на нас. Мы делаем её сильнее. Это не просто подхватывание людей, это поиск тех, кто питает её наиболее сильно. Благородный солдат, ставший убийцей, в которого вы сегодня утром всадили пулю, сколько раз он плакал во сне, заставлял себя сесть в танк и изображал храброе лицо для своих солдат? - Андромеда-17 замолчала, взяла со стола коробочку стимуляторов и повертела её в руках. - Сколько таблеток вы принимаете, чтобы не спать? - Она подняла голову, вопросительно изогнув бровь.

Мауэр спокойно встретила её взгляд.

- Недостаточно, - ответила она.

- В том-то и дело, - сказала Андромеда, опуская коробочку. - Это не просто *делают* с нами - мы сами являемся частью этого, кормим его так же, как оно кормит нас. Оно ускоряется, вращается противоборствующими силами - бегством и отчаянием, мощными силами.

Мауэр на мгновение замолчала, затем встряхнулась и выпрямилась.

- Ясно. - Она отошла от окна к двери. Она поднимется на стартовые площадки. Там, наверху, пахло прометием, но было прохладнее, чем здесь.

- Есть ли способ остановить это? - спросила Мауэр. - Противостоять этому?

- Нам нужно найти его.

- Нам?

- Взгляд со стороны, боэтарх Мауэр. Разные точки зрения на проблемы, за пределами линий. Вы думали, что это что-то, чем занимается какая-то другая высшая сила? Потому что, если это так, моя гордая старая госпожа войны, правда состоит в том, что эти высшие силы заняты. Сейчас идёт война. Что вы сказали Архаму: "В чём состоят мои обязанности?" Ну, вот и они. Вы многое знаете. Вы пугающе компетентны, и вы хотите действительно решить проблему, а не просто стрелять в неё.

Мауэр поняла, что улыбается:

- Мною полностью играют, не так ли? Вы ведь специалист по поведению, верно? Сколько подготовки потребовалось, чтобы составить карту моих мотиваций и сочинить ту маленькую мелодию, которую вы только что сыграли для меня?

Андромеда-17 пожала плечами:

- Честно говоря, я в основном импровизировала - я нахожу, что это более эффективно.

- Эта часть идёт так, как вы задумали, не так ли?

- В значительной степени.

- Включая ту часть, где я понимаю, что вы пытаетесь манипулировать мною, да?

Андромеда кивнула.

- Во что меня вербуют?

- В справедливое и необходимое дело.

Мауэр рассмеялась:

- Так всё всегда и начинается.

Архам, магистр хускарлов

ЧЕТЫРЕ

Легио

Опустошить небеса

Слепая зона

Зал сбора, уровень семь подземного убежища, Санктум Импералис Палатин

Чашу зала сбора наполнил звук. Тетракаурон остановился у входа, глядя на каменные ярусы, поднимающиеся от центра помещения. Командиры Легио, более четырех сотен мужчин и женщин, стояли разрозненными группами, их лица и волосы выделялись пятнами ярких красок на фоне графитово-черной униформы. Гребни неоновозеленого цвета, хромированная кожа, геометрические фигуры и схемы в цветах драгоценных камней и химических отходов. Волосы самого Тетракаурона были пострижены ярким гребнем красных и черных полос. Со лба до шеи свисала лента цвета индиго. Линию челюсти украшали серебряные кольца. Каждое было шестеренкой с гравировкой даты, отмечающей убийство машины. Радужные оболочки глаз были цвета желтого топаза, окрашенные собственноручно введенным осветляющим токсином. Все это кричащее великолепие на их лицах было другой отличительной чертой Легио, отражением души войны, с которой они боролись, отголоском духов их машин, носимым на теле.

Тетракаурон вошел в зал в сопровождении Дивисии и Карто. Принцепсы и модератусы их манипулы склонили головы в знак приветствия. Другие уважительно кивнули. Некоторые выкрикнули приветствия, на которые он ответил, направляясь к скоплению на нижнем ярусе.

При его приближении от ближайшей группы отделилась коренастая фигура. Тетракаурон улыбнулся.

- Почтенная принцепс Артуса, - обратился он.

- Выглядишь ужасно, - ответила Артуса. Принцепс-сеньорис седьмой манипулы щеголяла движущимися электротатуировками красных шестеренок, которые вращались и переплетались на ее коже.

- Люди постоянно об этом говорят, - ответил Тетракаурон и пожал ей предплечье. - Но я думаю, что вы все просто завидуете.

Артуса пожала плечами, словно говоря «считай, как хочешь», и кивнула Дивисии и Карто.

- Принцепс, - ответили они и коротко кивнули.

- Есть идеи, для чего нас собрали? - спросил Тетракаурон.

Она метнула в него взгляд, в котором он прочитал «ты прекрасно знаешь».

- Жречество... - осторожно произнесла она.

- А... - Он посмотрел на нее и поднял бровь. - Так это политика. Знаешь, я когда-то думал, что подобная война отметет все это, по крайней мере, на время.

- Ты никогда не был таким наивным, - фыркнула она. - Война - это власть. Чем больше и катастрофичнее она, тем больше власти задействовано, а политика - всего лишь ожесточенное соперничество за власть. Вероятность уничтожения не останавливает войну - фактически, она только делает ее хуже.

- Ты всегда была настолько склонна к философии?

- Да, - ответила она.

Тетракаурон в ответ рассмеялся.

- Жречество в панике, - сказала она, понизив голос, - и за последние несколько дней ситуация ухудшилась, и не только на нижних уровнях. Чем выше поднимаешься, тем хуже становится. Машина, благословенная превыше всего, - это логика, но думаю... думаю, они боятся.

- Чего? - спросил он. - Поражения?

- Утраты всего.

Он снова взглянул на нее. Теперь она не улыбалась.

- Откуда ты об этом знаешь?

- Оттуда, почтенный принцепс, что я использую свое время, когда не воплощена, для подключения к внешним данным. Мне нравится знать, на что похоже изнутри поле битвы перед тем, как отправиться на другое. Тем не менее, я могу сказать тебе одно: принцепс-максимус не доволен, совершенно не доволен. Как и Баззаний с Клементией. Жречество чего-то хочет, а мы не хотим этого давать. Шестеренки вращаются, и когда остановится колесо, кто знает ...

- Что ты там говорила о политике и власти...? - спросил он. - Продолжай в том же духе и станешь следующим принцепсом-максимумсом.

Она поморщилась, и красные электротатуировки шестеренок на щеках закружились в противоположную сторону.

- Не тупи, Тетра. Я знаю, для тебя это не просто, но ты постарайся. - Артуса усмехнулась. - Кстати о повышении, - сказала она, указав на Дивисию, - когда она пойдет своим путем? Я бы сказала, давно пора. Без обид, Карто.

Старший модератус склонил голову, с беспристрастным лицом.

- Без проблем, принцепс. Я признателен за доверенную мне функцию в великом вращении.

Тетракаурон посмотрел на Дивисию, которая старалась не выглядеть слишком довольной.

- Когда сойдутся шестеренки, - ответил принцепс, - не раньше.

Дивисия переступила с ноги на ногу под взглядом двух старших принцепсов.

- Осмелюсь спросить, есть больше данных о причине нашего вызова?

- Политика, - одновременно ответили Артуса и Тетракаурон.

В зале раздался звон колокола, один раз, затем второй, и, наконец, третий.

Двойные двери открылись. В проем проник белый туман. В колокол снова ударили. Каждый из сотен собравшихся в зале принцепсов и модератусов выпрямился. Из темноты снаружи промаршировали две шеренги гоплитов-секуторов в серебряной броне и с длинными щитами с желтыми и черными зигзагами Игнатума, на наконечниках копий развевались красные вымпелы. Над ними летели хромированные сервоустройства, проецируя голосветовые образы зазубренных геометрических схем огненно-оранжевого и ярко-синего цветов. За ними шли мужчина и женщина в черной униформе, без головных уборов, с суровыми лицами под гребнями и локонами волос. Это были принцепсы манипулы манипул, представленные на Терре - Баззаний и Клементия. Командиры двух машин типа «Император» и члены внутреннего совета принцепса-максимуса Кидона. За ними следовали их модератусы, с такими же мрачными лицами. Последовала пауза, момент, наполненный ударом другого колокола, а затем вошел Кидон. Десять столетий во главе старейшего Легио и в соединении с богом-машиной могли довести многих принцепсов до амниотического резервуара или экзоскелета. Не Кидона. Он шел сам. Лицо было худым, темная морщинистая кожа плотно облегла узкий череп. Гребень его волос был серебристым с черными жемчужинами на прядях. На щеках горело золотое пламя искусных электротатуировок. Левый ослепший глаз был молочно-белым, зрачок правого - расколотой звездой в центре янтарной радужной оболочки. Рот - тонкая черта над сжатой челюстью. Принцепс-максимум выглядел старым, жестким и яростным.

Все в зале склонили головы, когда процессия развернулась в круг, заполнивший самый нижний ярус. Кидон занял место последним, справа от него встал Баззаний, слева - Клементия. Наступил момент тишины. Тетракаурон чувствовал напряжение в воздухе, натянутое и жалящее, словно растущий заряд в орудийном конденсаторе. Кидон пошевелился, и Тетракаурон понял, что принцепс-максимум почувствовал то же самое и подумал о том же самом. Старик повернулся и посмотрел на мужчин и женщин своего Легио, заполнивших верхние ярусы. Он кивнул.

- Спокойно, мои воины, - обратился Кидон. - Старайтесь держать себя в руках. Оставьте раздражение мне.

По залу прокатился тихий смех, словно низкий рокот грома.

Колокол под потолком снова ударил.

Вошел Геронтий-Чи-Лямбда. Он пришел не один. По бокам и сзади следовали три тяжелых боевых сервитора, орудия были опущены, красная броня сверкала священной шестнадцатеричной кодировкой, выгравированной тонким золотом. С ними вошли два жреца более низкого звания, каждый нес вокс-передатчик на длинном шесте. Последним следовал, издавая лязг и шипение, боевой автоматон в панцире серо-черного цвета графита. Процессия остановилась в центре зала. Автоматон и сервиторы замерли на месте с идеально синхронизированным лязгом. Из вокс-передатчиков в руках жрецов загудел бинарик.

Никто из принцепсов и модератусов не пошевелился. Кидон не казался впечатленным.

Геронтий-Чи-Лямбда повернул массивную голову вверх, взглянув на фигуры на ярусах, а затем на Кидона.

- Омниссия знает все... - прогудел из передатчиков его голос.

- Так как знание - божественно, - закончил ровным голосом Кидон.

- Вас созвали внять воле машины, - продолжил Геронтий-Чи-Лямбда.

- Мы слушаем, - ответил Кидон.

- Вам передан код и приказ...

- Нет. - Слово Кидона рассекло усиленный голос эмиссара. Тетракаурон почувствовал его. Подобно льду. Подобно массе нейтронной звезды. На затылке поднялись волосы. Он ощутил ярость принцепса-максимуса, холодное пламя в только что сделанном вдохе. Он почувствовал это, и знал, что по всему залу четыреста пятьдесят девять его товарищей почувствовали то же самое. Они называли это интерфейсной синхронизацией. Вероятно, это происходило и в других легионах, но в Легио Игнатум более всего. Все из-за накала. Экипажи Легио не спали и не отдыхали, как другие, но видели сны в соединении с боевыми архивами своих машин. Их сны были общими отголосками прошлых побед и утрат. Внутри соединения они проживали битвы, которые провели мертвые и живые. Это приближало их к подлинному воплощению со своими машинами, к единству, которого некоторые экипажи титанов боялись, но которое по убеждению Игнатума было священным пламенем истины. По этому соединению текли, словно кровь, образы мыслей и инстинкты, отпечатываясь в каждом из них. Иногда общие раздражители безотчетно проявляли эти образы в экипажах титанов, и на миг они воспринимали мир одинаковым способом. Синхронизированным, настроенным, как сотни часов, установленные на звон в одно и то же время.

Глаза Геронтия-Чи-Лямбды зажужжали, рефокусируясь на Кидоне.

- Как эмиссара и голос воли Механикус, вы услышите меня и...

- Нет, - снова произнес Кидон. Затем наклонил голову вперед. - Хотите, чтобы я снова это сказал?

Геронтий-Чи-Лямбда не ответил, но щелчки фокусирующихся колец замедлились.

- Вы внимайте словам эмиссара, что стоит перед вами, по воле стражей Омниссии.

- Лучше, - сказал Кидон. - Но ответ все равно будет тем же. Который я уже дважды озвучил вам. - Он покачал головой, словно разочаровавшись. - Вам следовало прислать Веторель, но сомневаюсь, что она бы пришла. Она не глупа.

Техножрец повернул голову, глядя на ряды принцепсов и модератусов.

- По воле защитников самой священной истины шестеренки и кода вы должны приготовить свои священные машины. Приготовить к выступлению.

Снова тишина.

- Это прошение генерала-фабрикатора, Преторианца Дорна, Совета Терры? - голос Кидона постепенно повышался в тональности, источая пламя.

- Это воля машины.

Тетракаурон сказал бы, что этот разговор уже произошел, и теперь повторялся в большем масштабе.

- Воля машины... - медленно произнес Кидон, тщательно контролируя себя. - Вы заявляете, что говорить от имени Омниссии?

- Знание необходимо сохранить, - сказал Геронтий-Чи-Лямбда. - Святость должна выжить. Вы должны подчиниться этому долгу. Вы должны выступить. - Магос перевел взгляд от Кидона, линзы сканировали ярусы с экипажами титанов. - Машины под вашим командованием должны пробудиться, должны выступить. Вы прислушаетесь к этому долгу. Это воля...

- Куда мы выступим? - спросил Тетракаурон. Геронтий-Чи-Лямбда посмотрел на него. Тетракаурон посмотрел на Кидона. Принцепс-максимус мягко кивнул в знак позволения. - Нам следует выступить на войну за стены? Таково наше желание, так зачем вы требуете? Но вы говорите не о выступлении на войну, которая ведется здесь, не так ли, магос? - Глаза всего Легио впились в техножреца. - Вы здесь не по приказу генерала-фабрикатора. Вы здесь, чтобы принудить нас к уходу. Вы пытаетесь заручиться поддержкой для Механикус, покидающих эту битву, и способ, который, по вашему представлению, сделает это возможным - сила титанов.

- Что остается необходимо сохранить, - заявил Геронтий-Чи-Лямбда. - Это долг. Это истина.

- А что на счет долга иерархии? Что на счет веления клятв, верности, чести?

- Все расчеты должны свестись к тому, чтобы шестеренка продолжала вращаться. Вы должны выступить. Вы должны помочь нам спасти то, что у нас есть, пока есть возможность.

- Битва продолжается, она не проиграна. - Теперь заговорила Артуса, ее голос рявкнул из круга Тетракаурона. - За последние дни провалились три крупных штурма Дворца или вы удаляете эти данные из расчетов?

Линзы магоса щелкнули и сфокусировались на Кидоне, Баззании и Клементии. Принцепс-максимус и двое командиров манипулы манипул бесстрастно смотрели в ответ. Тетракаурон задумался, не потребовал ли магос этот сбор ради надежды на раскол Легио, апеллируя к его линейным командирам. Если и так, то это был глупый ход, и он говорил о неосведомленности, избытке высокомерия и страхе. Тем не менее, магос не уступал. Какая бы отчаянная линия логики не привела его к этой точке,

Геронтий-Чи-Лямбда продолжал давить, как механизм, который скорее сломает себя, чем отступит.

- Порт Вечная стена пал, - сказал магос. - Расчеты данных об эскалации конфликта очевидны. Вчерашние победы только отсрочат поражение. Соотношение сил изменилось в пользу врага, объем использования важнейших материально-технических ресурсов изменился в его сторону. Вероятность краха увеличивается, а с ней уменьшается вероятность сохранения нашей священной истины. Последствия диктуют простой набор требований. Бегство и выживание.

- Теория, гипотеза, - сказал стоявший рядом с Кидоном Баззаний. - Но самое важное - не воля Омниссии или Его генерала-фабрикатора. Вы пришли сюда продать свои страхи, словно они свершившийся факт, а ваши желания - приказы. Они ни то, ни другое. Вы хотите, чтобы мы присоединились к фракции и продавали план, который уже отвергли остальные. Мы этого не сделаем.

- Вы предадите священные таинства и машины в нашем распоряжении разложению, энтропии.

- Мы остаемся верными своему предназначению, - сказал Кидон, впервые возвысив голос, который прокатился по залу. - Мы не псы на побегушках. Мы - первые из Триады. Мы - те, кто идет в пламя, кто несет пламя. Мы не ломаемся. Мы не бежим. Мы стоим против того, что осмелится пойти против нас. - А затем Кидон улыбнулся. Широко, невесело. - И, самое важное, магос, мы побеждаем.

Геронтий-Чи-Лямбда минуту молчал, а затем повернулся вполоборота, голова слегка вращалась из стороны в сторону. Это был самый человеческий жест, который Тетракаурон видел от магоса, и когда он заговорил, ответ пришел от него одного - тихий уставший голос.

- Вы не сможете победить, - сказал он.

- Вы говорите о мятеже, - отрезал Баззаний. - Вы приносите слабость в час, когда необходима сила. Это вы будете осуждены.

- Этот факт и вероятность не важны. Итог моего жизненного уравнения не важен. Я хочу, чтобы данные были не таковыми, какими они есть, но прежде всего я - слуга истины машины: грянет истребление.

- Вы ошибаетесь, - сказал Кидон.

- Разве? - спросил магос и повернулся, направившись к двери. Техножрецы, сервиторы и автоматы зашагали следом. Он остановился у двери и обернулся. - Наступает стадия, когда решение уравнения заключается не в том, как победить, а как выжить. - Затем он повернулся и вышел из зала. Командиры Легио смотрели ему в след.

- Не думал, что вращению шестеренки может служить подобный глупец, - сказал Тетракаурон Аретусе, когда необходимость в церемониях отпала. Она нахмурилась, шестеренки ее электротатуировок перестали вращаться.

- Надеюсь на это, - сказала она и посмотрела на дверь, через которую вышел техножрец. - Надеюсь.

Северный оборонительный обвод, зона Меркурианской стены, нижний горизонтальный пояс.

По равнине перед тремя застывшими рыцарями катился рассветный туман. Каждый из них принадлежал меньшей породе - втрое выше человека, тело из гладкой брони балансировало на изогнутых назад поршневых ногах. Пластины покрыты выцветшим кремовым и изумрудным лаком. С оружейных рук свисают красно-серебристые знамена, тяжелые и влажные от рассветной росы. Два скакуна вооружены

тупоносими термальными копьями и цепными мечами. Капли конденсированной влаги свисают с неподвижных цепных зубьев и бегут из вентиляционных отверстий орудий. Автопушки третьего нацелены в небо, напоминая пики, с которыми шли на войну рыцари другой эпохи. По длинным стволам завиваются спиралью кремовый и алый цвета – яркие и чистые.

В тишине кабины Акастия наблюдала за тем, как туман отступает от озаряемого мира. Сенсоры «Элата» могли окрасить местность данными, термальными, электростатическими, тактическими или скорректированными движением абстракциями, но она решила смотреть на нее собственными глазами. Отсюда она видела вершины гор на севере, белые кончики зубов впились в небеса. Под ними землю все еще окутывала серая мгла, скрывая ее покрытую шрамами кожу. Это была выровненная местность.

Воля Преторианца сравнивала города и районы, которые находились здесь. Армии рабочих и машин обрушили здания, башни и дома в землю и пыль. Жилые кварталы, лачуги, мануфактории, базилики, зарождающиеся ульи – все исчезло, разрушенное и измельченное в плато, которое протянулось от подножья далекой горы до окружавших Внутренний дворец стен. Местность превратили в обстреливаемую зону, которая простиралась от стены на сто двадцать километров. Акастия и ее соратники по знамени стояли в месте, которую канониры на стенах называли линией горизонта – точке, где прицельная линия с самых высоких участков стены сходилась с изгибом земли. Отсюда, оглянувшись в сторону Дворца, она могла увидеть только зубцы на вершине Меркурианской стены. Эту картину венчали грозные тучи, клубившиеся там, где пустотные щиты соприкасались с атмосферой. В облаках мигали вспышки молний. Между тремя рыцарями и стеной лежал огневой рубеж Меркурианской-Ликующей: сто сорок километров холмистой местности, усеянной изменившимися руслами рек, горами мусора и расщелинами. Армии рабочих сравнивали поселения за стеной, но то, что осталось, стало заветом простому факту – ничто нельзя сделать совершенно плоским, ни в таком масштабе, ни за то время и ни теми инструментами, которыми воспользовались. Здесь находились скопления машин размером с небольшие города, массивные фундаменты ульев, которые не поддавались усилиям разрушить их. Волю Преторианца исполнили, но достигнутым результатом стала пустошь под прицелом орудий стены. Это было поле битвы площадью в тысячи квадратных километров, ожидающее битву.

Для Акастии оно было по-своему красивым. Отсюда в этот момент оно виделось медленно движущейся безмятежностью, покоем и свободой, отрицающими общую ситуацию.

Далекая вспышка молнии...

Белая пелена тумана плавится...

Тонкая молния касается облаков...

- Нам нужно идти, – прозвучал в ухе Акастии голос Доллорана.

- Скоро, – ответила она. Она не хотела уходить. Еще нет. Она знала, что Доллорану не терпится начать, она чувствовала его нетерпение по симпатической связи между машинами. Он хотел идти, хотел шагать, и того же хотел его скакун. «Киллар» относился к типу «Боевая глефа», являясь прямым родичем «Элата», рожденным в той же кузне, близнецом, разделившим железо их создания. Оба были машинами огня и ярости, нетерпеливыми и быстрыми. Акастия ощущала инстинкт собственного скакуна, рычащего по нейронным связям ее шлема. Но в отвержении призыва было свое удовольствие, ощущение силы скакуна, сдерживаемой ее волей. В ее нервах звучала песня, а в сердце – растущий ритм. Скоро это пройдет, заглушится в движении поршней. Еще несколько сот метров и они окажутся за прицельной линией орудий стены, в слепой зоне, охотясь на врага. Они будут свободны, а инстинкты

«Элата» будут править в той же степени, что и ее собственные. В землях за пределами видимости со стены, они станут глазами и когтями защитников. И там, на некоторое время, она может представить, что свободна.

- Все системы и сенсоры откалиброваны, - сообщил Доллоран, - необходимости ждать больше нет.

- Скоро, - повторила она. Она почувствовала гул открывшегося отдельного вокс-соединения.

- Думаю, ты достаточно себя побаловала, Акастия. - Голос Плутона был ровным, терпение в голосе старика было таким же очевидным, как и нотка ворчания.

- За стенами, в безмятежной тишине есть красота, кто растратит такой дар впустую.

- Верно и хорошо сказано, - ответил Плутон, - но у нас есть долг и он не станет ждать ради красоты и поэзии.

На миг ей захотелось огрызнуться, но она подавила инстинкт, сдержав раздражение той же волей, которой удерживала на месте «Элата».

- Ну ладно, - сказал она, разрывая связь и выпуская немного напряжения в рвении «Элата». Его поршни пришли в движение. Металлическая лапа заскребла по земле. Оружейные руки согнулись. Она почувствовала в висках отголосок радостного рыка. Она невольно оскалилась. Рядом встрепенулись два других рыцаря-оруженосца.

- Вперед, - приказала она, и три рыцаря направились в земли за горизонтом.

Императорский дворец

Они опустошили небеса. На рассвете двадцать седьмого квинтуса солнечный свет пробежался по изгибу мира и коснулся хребтов кораблей, спускавшихся через верхнюю атмосферу Терры. Грузовые баржи и боевые корабли стыковались на верхних шпильях космопортов Львиные Врата и Вечная стена. Стыковочные фалы фиксировались. Противовзрывные двери в недрах кораблей с шипением открывались. Мимо проносились другие корабли, чтобы пристыковаться на нижних уровнях портовых шпилей. Десантно-штурмовые корабли и макролифтеры садились на посадочных площадках. Груз начали выпускать на конвейеры. Сразу после выгрузки корабли покидали доки, а их место занимали другие, сгрудившиеся на нижней орбите и выше в космосе, двигаясь к портам подобно зубцам вращающихся шестеренок.

В портах адепты Нового Механикума и рабочие команды IV Легиона непрерывно работали с транспортирующими механизмами. В мирные времена огромные космопорты Терры ежечасно перемещали миллиарды тонн грузов и миллионы людей с орбиты на поверхность и обратно. Теперь их использовали для одной цели: перебросить всех до последнего людей и материально-технические запасы с флота магистра войны на поверхность планеты. Кольцо из кораблей и десантных судов вращалось неустанно, каждый согласно графику и схеме с точностью до минуты. Рулевые и буксиры Железных Воинов направляли корабли этих сил, которые серьезно не дотягивали до требований и точности Повелителя Железа.

Каждый раз, как корабль стыковался или покидал док, орбитальные шпили содрогались от грома. Ржавые и спекшиеся частицы отрывались от секций башни размером с горы. Компенсаторы вибрации пели, не позволяя металлическим горам развалиться от противоборствующих сил. На стыковочных

ветках и посадочных площадках стоял лязг перемещающихся машин. Команды сервиторов и понукаемых кнутами рабов тянули контейнеры со снарядами, цилиндры плазмы, ящики с патронами. Танки катились напрямик из недр кораблей к макроподъемникам. Боевые машины шагали, скользили и волочились в транзитные отсеки, откуда спускались на нижние уровни. Полки солдат, стада существ, порожденных в тенях варпа, и волны заблудших и проклятых стекались к поверхности Терры. Снова и снова, подобно воде, хлещущей из открытого шлюза, подобно крови из стучащего сердца.

Форрикс, первый капитан и кузнец войны Железных Воинов наблюдал за развернувшейся операцией с башни логистикаторов космопорта Львиные врата. Здесь верховные кланы транспортной и торговой фракций устроили себе штаб-квартиры и наблюдали, как голод Терры увеличивает их богатства. Больше их здесь не было: они сбежали во Внутренний дворец или их вырезали. Немногие присягнули истинному делу и теперь помогали превратить место своей алчности в канал для армий, которые переделают Империум. С вершины башни двухсотметровой ширины, закрытой кристаллическим куполом, открывался вид на изгиб земли. Форрикс мог увидеть мерцающие вспышки битвы во Внешнем дворце в километрах внизу, полускрытые облачным слоем. Вверху свет звезд скрылся за синим сводом дня. В помещении под ним множество когитаторов издавали пульсирующий гул, от которого у него ныли зубы. Весь персонал в этом зале постепенно утратил возможность покинуть свои посты, когда техновиром, выпущенный Вольком в машины порта распространился и размножился. С каждой командой и вводом данных эти люди становились машинами, с которыми работали. Не похоже, чтобы это снизило эффективность и точность, скорее наоборот, увеличило. Теперь не было звуковых сообщений, только поток сигналов и команд через человеческие формы, которые медленно сливались с данными разрушения. Через этот зал направлялась, обобщалась и растекалась далее вся совокупность фазы развертывания.

Они подготовились к этому с момента взятия Львиных врат, но реальность происходящего по-прежнему воспламеняла искру благоговения в разуме Форрикса. Миллиарды знаков данных, расчет времени, оценка и координация, и все это взаимодействует и корректируется так, чтобы поток с небес на землю никогда не останавливался. Глядя вверх, он видел, как эти операции меняют мир. У него на глазах десятикилометровый боевой барк отстыковался от шпилевого дока и развернулся, двигатели вспыхнули, поднимая его в небо. За ним бронированный макротранспорт в цветах Легио Фуреанс уже занимал его место – струи пламени ударили из регуляторов высоты пятидесятиметровой ширины, когда он пришвартовался к стыковочным веткам.

Это походило на тиканье часов, подумал кузнец войны, каждая минута – это боевое подразделение, усиливающее давление штурма на поверхность, каждая секунда – уменьшение оставшейся жизни Империума.

Они столько сил держали в тылу. Даже со всеми этими миллионами, выпущенными в боевую сферу, даже с основными силами шести Легионов Космодесанта, развернутыми и действующими, даже с армиями, достаточными для завоевания звездных империй, они все еще не использовали всю свою мощь. Все дело, как и было всегда, в численности. Форрикс проверил и отдал вторичные приказы для перемещения в эту фазу битвы.

Сатурнианский гамбит провалился, но это не имело значения. Дорн спас себя от быстрого финала, но исход по-прежнему был неминуем. Внешний дворец пал, в руинах площадью тысячи километров больше не шли бои. Теперь у них были оба космопорта Дворца и внешние порты, как Дамокл на севере. Они давили на стены Внутреннего дворца. На двух участках находились в шаге от прорыва фронта. Теперь они просто устроят штурм всего обвода Последней стены, на все тысяча триста километров. В течение

считанных дней все до единого подразделения армий магистра войны окажутся на поверхности Тронного мира. Общее давление. Сокрушающая сила со всех сторон, пока обвод не расколется. У защитников не хватит людей, патронов или воли, чтобы помешать этому. Это была война, как прогрессия растущих уравнений, победа, как холодная неотвратимость.

Тихий звон отвлек Форрикса от размышлений. Он взглянул на устройство связи, прикрепленное к кисти, и прочитал руны на экране. Нахмурился, ввел код, и проекция из горжета доспеха заполнила зрение. Он моргнул при виде короткой спирали данных, затем отключил ее. Оскалился. Затем сделал выдох и повернулся к центру зала.

Пертурабо, Повелитель Железа и магистр осады Гора, сидел в расположенной в центре помещения инфоколыбели. Вокруг него на рельсах и шарнирных конечностях двигались экраны и голопроекторы. Кабели прямого интерфейса, подключенные к доспеху, висели между оружейными подвесками и поверх толстых пластин брони. Двигались только глаза примарха, перескакивая с экрана на экран, которые проплывали через поле его зрения. Он поглощал необработанные данные боевой сферы: от уровня боеприпасов на передовых базах Внешнего до данных об убийствах от титанов Легио Вульпа, причем все – от микро до макроуровней. Форрикс никогда не видел своего примарха настолько погруженным в ход битвы. Повелитель Железа слился с уничтожением, которое создавал, его сущность сфокусировалась на одной точке, как прицел орудия или лезвие ножа. В этом также присутствовал такт, почти органический ритм с движениями колыбели и шумом машин. Как дыхание. Как пульс. Форрикс ощущал его каждый раз, как подходил к примарху.

- Повелитель, – обратился он, остановившись рядом с инфоколыбелю. Мимо прожужжал на рельсах экран, информация на нем текла стремительным потоком боевых данных. Пертурабо не ответил. Форрикс выждал двадцать секунд и снова заговорил. – Повелитель.

Движение экранов и проекций замедлилось. Глаза Пертурабо продолжали следить за появлением и движением информации.

- В чем дело? – спросил Повелитель Железа.

- Прибыл советник магистра войны, – доложил Форрикс. – Его корабль приземлился три минуты назад. Он будет здесь через две минуты.

Пертурабо молчал. Форрикс ждал. Хотя концентрация и осознание боевой сферы Повелителя Железа были почти абсолютными, но и также направленными. Один очень специфический подкласс данных был изъят. Все связанное с самим магистром войны поступало по другим каналам, устно, через посыльных. Форрикс не удивлялся, он знал причину. Победа в этой битве требовала концентрации. Такую концентрацию существо подобное Гору могло разрушить в мгновение ока. Эта война велась от имени магистра войны, но не с ним.

- Данных о причине визита нет, – добавил Форрикс после долгой паузы. Отсутствие данных не мешало догадке – потери у Сатурнианской стены: Морниваль, лучшие из сынов Гора, попавшиеся в ловушку и вырезанные в провалившемся гамбите.

Глаза Пертурабо не отрывались от движущихся боевых данных.

- Впусти его, – приказал он.

Форрикс поклонился и отошел.

Впусти его... словно был другой выбор. Аргонис мог быть разным, и мало что в нем нравилось Форриксу, но он был советником магистра войны, и когда он приходил в качестве посланника, это было проявлением воли и власти Гора. Нельзя становиться на пути воли магистра войны. Это было не мудро. Форрикс знал об этом. Он надеялся, что его примарх тоже по-прежнему знал это.

Двери в зал открылись, и вошел Аргонис в плаще и шлеме. За ним следовало отделение Сынов Гора в шлемах с красными гребнями. В затухающем свете, проникающем сквозь купол, их броня была черного цвета, как море на закате.

- Он в колыбели? - обратился Аргонис к Форриксу, проходя мимо и едва удостоив взглядом первого капитана. Рука Форрикса преградила путь Аргонису. С лязгом поднялось оружие легионеров Сынов Гора. От края зала шагнули автоматы Железного Круга. Аргонис посмотрел на прижатую к его груди бронированную перчатку Форрикса.

«Не мудро, - сказал голос в голове Форрикса, - очень не мудро». Он сам удивился своему поступку, но не пошевелился. *«Возможно, в моей крови все еще есть немного старого железа»*, - подумал он и почти улыбнулся.

Аргонис снял шлем и посмотрел прямо на Форрикса. Советник выглядел уставшим, как человек, чья жизнь с каждым днем утрачивала смысл. В его глазах было что-то еще, чего Форрикс никогда не ожидал увидеть. Сожаление.

- Дай мне пройти, первый капитан, - сказал Аргонис низким голосом.

- По какому вопросу? - спросил Форрикс.

- Дай мне с ним поговорить, Форрикс, - повторил Аргонис.

- Нет, если не скажешь, что происходит.

Аргонис надолго замолчал.

- Ничего из того, чему можно помешать, - ответил он, наконец.

- Зачем ты пришел? - прорычал голос Повелителя Железа. Пертурабо поднялся из инфоколыбели, кабели интерфейса со щелчком отсоединились, когда он выпрямился. На руках и плечах зарядились оружейные подвески, словно псы, стряхнувшие дрему.

- Я здесь от имени магистра войны, которого все любят и которому все покорны, - сказал Аргонис. - Он требует вашего присутствия.

- Где? - спросил Пертурабо.

- На флагмане. На *«Духе мщениа»*.

Северный оборонительный обвод, слепая зона Меркурианской стены

Акастия и ее товарищи-рыцари прошли аванпосты в полдень. Здесь, в слепой зоне, северный оборонительный обвод был воспоминанием, оставшимся за пределами видимости. В этом районе прошли сражения, взрывы снарядов и прочих боеприпасов с обеих сторон оставили свои следы в этом разрушенном месте из голой земли и обломков. Тут и там перемешанными горами лежали

металлические останки мертвых скитариев, плоть свисала с их аугметики влажными, полусгнившими кусками.

Бои вдоль северного обвода шли в первые недели осады. Их вели силы Темного Механикума со стороны предателей, и дома рыцарей с бронетанковыми и механизированными частями со стороны защитников. Изменники окружили укрепления и продвинулись в тень Меркурианской стены и Индомитора, но орудия и масштаб укреплений остановили их. Северный обвод стал ареной маневренной войны между подразделениями силой взвода и роты в простреливаемой настенными орудиями зоне поражения и слепом районе за линией горизонта. Предатели пытались создать плацдармы: передовые операционные базы, артиллерийские зоны, наблюдательные посты. Добившись успеха, они расширялись, окапывались и сосредотачивали больше запасов, машин и солдат. Они пытались продвинуться достаточно далеко, чтобы задействовать против стены артиллерию средней дальности. Благодаря этому они смогли бы провести прямой штурм, и оказать определенное давление для прорыва Гелиосских врат. На данный момент они не преуспели в создании постоянной передовой базы в пределах видимости стены. По мнению Акастии им просто не доставало численности. Была причина, по которой восток оставался зоной яростных сражений: порты позволили бы изменникам быстрее доставлять силы с орбиты, а укрепления во Внешнем перед Львиными вратами были мощными, но не шли ни в какое сравнение с масштабом и стойкостью Меркурианской, Индомитора или Ликующей. Зачем бросать силы против самых сильных укреплений, когда можно перемолоть слабый участок, а затем прорваться через Львиные врата? Нет, смысл боев на Северном обводе заключался в желании сторон не дать противнику передышку или шанс на переброску сил на другие участки. Небольшая, необходимая, недостойная битва ради победы в другом месте.

«Это было почти идеальное отражение моего рождения и жизни», – размышляла Акастия.

– Тебе не суждено подняться высоко, – эти слова она слышала от матери с тех пор, как помнила себя. Незаконнорожденная, связанная кровью служить и подчиняться, но всегда находясь на обочине, немного выше сервов и присягнувших дому, но только немного. С разрешением управлять скакуном, но только одним из малых, без шансов на «Странника», без шансов на длинноногого церастуса или могучего «Кастеляна». Война, слава и красота всегда на виду, но вне досягаемости и без ее участия.

– *Идентифицируйтесь.* – По вокс-сети раздался тяжелый и монотонный голос. Они находились на линии аванпостов. Из пустоши вырос блокпост в форме барабана, он походил на гигантскую гильзу, упавшую в битве между богами. Четыре этажа залитого камнебетона, укрепленного металлической обшивкой, орудийные амбразуры закрыты. Акастия услышала звон сигнала и захвата цели при их приближении. Цепь подобных блокпостов тянулась по слепой для настенных орудий зоне. Некоторые были потеряны, но большинство уцелели. От каждого расходились туннели для обеспечения боеприпасами и продовольствием, и для сообщения со следующим в сети. Как и у тройки рыцарей Акастии их главной задачей являлось информирование командования стены о перемещении противника. И кроме того пресечение попыток вражеских сил проникнуть на плато перед стеной. Орудия и укрепления поста не продержатся долго против серьезной атаки, но расправятся с Акастией и ее тройкой за считанные минуты, окажись они врагами.

– Приветствую от имени дома и всадников Виронии, – ответила Акастия. Системы «Элата» замурлыкали, передавая идентификационные энграммы. Трое рыцарей замедлили шаг. Акастия почувствовала, будто ей в череп вонзились иглы, когда сенсоры орудий окрасили ее скакуна. Одно неверное движение на спусковом крючке или сбой прицельного протокола, и ее перемолят болтерные снаряды.

Приборы в кабине засвистели, и ощущение иголок пропало.

- *Проходите*, - раздался голос по воксу. - *Доброй охоты, Виронии*.

- Принято, - ответила она, затем включила вокс с остальными машинами копья. - Вперед. Я хочу пройти сотню километров вглубь зоны, прежде чем мы повернем. Плутон, наведи ауспик на левый фланг, максимальная дальность. Доллоран, то же на правый. Я возьму фронтальный сектор. - Она ударила по педали движения до их ответа. Шаг «*Элата*» увеличился. Плазма потекла по трубопроводам. Рядом в том же темпе шагали «*Киллар*» и «*Тавмант*», разойдясь широко в обе стороны. Впереди раскинулась земля, груды обломков, выраставших в искусственные горы. Вокруг возвышались скалы, оставшиеся от неидеально скрытых гор. По земле стелился туман. За рыцарями волочился ветер, растягивая их орудийные знамена.

- Тихо, - сказал Плутон по мере роста отсчета дистанции. - На ауспике ничего. Даже остаточных сигналов от выстрелов нет.

- Разочаровывает, - призналась Акастия.

- И явно тревожит, - добавил Плутон, и она почти расслышала, как он хмурится. - Должно быть что-то, хотя бы на низком уровне.

- Он прав, - согласился Доллоран. - Этот сектор кишит частями ложного Механикума. Почему ничего нет?

- Потому что они знают о нашей вылазке, - резко ответила она. - Какая еще причина нужна псу, чтобы сбежать в свою нору?

- Плохой признак, - заметил Плутон.

- Так что, нам вернуться? - поинтересовалась она.

- Нам нужно быть начеку.

- Достойное напоминание себе проснуться, Плутон.

Вокс замолчал.

Пустая земля миновала. Ауспик звенел тихо и мягко, зондируя за пределами видимости и не находя ничего. Акастия почувствовала, как рассеивается раздражение под ритм тряски шагающего «*Элата*». Она знала, что Плутон прав. Это пустая тишина не вызывала чувство покоя. Скорее ощущение, будто море отхлынуло от берега, и они идут по обнаженному морскому дну, перед тем, как волны вернуться. Тем не менее, она не повернет. Вернуться означало отказаться от свободы, которая ей нужна. И она хотела убивать. Она заставит Карадока отметить шкуру «*Элата*» почетным знаком. Мысль о лице господина, со стиснутыми зубами и холодным взглядом наносящем знак, и понимание, что это означает равенство с ним на поле боя... это станет наградой, достаточно приятной, чтобы шагать по этой ненадежной земле целыми днями.

- Вперед, - приказала она, и три рыцаря направились дальше.

Императорский дворец

Армии магистра войны маршировали по руинам Дворца. Они выступили из огромных космопортов Львиные Врата и Вечная стена, а также из Домокла и посадочных полей на южных равнинах. Перед ними двигались армии рабочих. В Магнификане Внешнего дворца отсутствовали подходящие им дороги, поэтому они построили их сами. Батальоны рабов и демонтажных машин перемалывали, взрывали и сносили развалины районов размером с города. В их работе не было никакой утонченности. Войскам на земле и тем, кто ожидал на орбите, необходимо как можно быстрее добраться до стен Внутреннего дворца. Скорость и их численность были доминирующим фактором. Океану уничтожения нужно добраться до стен Внутреннего дворца. На тысячах километрах Внешнего дворца начертили линии, которые стали огромными шоссе шириной в сотни метров, ведущими от космопортов на запад. Строения взорвали. Камни и железо раскололи на куски и измельчили. Руки тысяч рабов просеяли землю на наличие невзорвавшихся боеприпасов, после чего за ними последовали боевые машины и военные транспорты. В некоторых случаях наступающие войска догнали рабов и перемололи покров из паникующих душ в разбитый камень и пыль. Перед этой волной ауксилья снабжения спешно возводила лагеря топлива и припасов, огромные хранилища ящиков, генераторов, топлива и цистерн с водой. Большую часть взяли из самого Дворца, захватили у защитников ударными группами IV и XVI Легионов. Теперь запасы, которые поддерживали бы защитников, будут питать их машины. Планирование подобных потребностей, даже после падения Внешнего дворца, требовало особенно жестокой формы прагматизма. Таковой была истина железа, текущего в жилах Пертурабо и его сыновей. В то время как другие сделали выбор в пользу ярости и гнева, они придерживались чистоты уничтожения: продуманного, вечного, безжалостного.

Здесь - на дорогах, проложенных через Внешний дворец, находились значительные силы Железных Воинов. Надзиратели наблюдали за огромными колоннами танков, боевых машин и солдат. Когда происходили задержки или конфликты, они справлялись с ними стрельбой и резней. Трупы тех, кто мешал продвижению, вешали на столбах вдоль дорог. Вокруг них кружили мухи. Кровь создавала скользкие, липкие узоры в пыли. Некоторые из проходивших мимо кричали из страха или жалости при виде этих картин. Реки железа и плоти текли вперед. Дороги, по которым они двигались, проложили за считанные часы до начала движения. Эти реки днем и ночью неумолимо катились к Внутреннему дворцу.

В космопорты начали прибывать многочисленные подразделения боевых машин. Оставшиеся титаны из полудюжины легионов, рыцари с геральдикой великих домов, сотни танковых дивизий. С ними пришли существа, порожденные союзом Гора с силами варпа. Звери размером со здания, волокущие холодные железные цепи, твари, что были машинами, но теперь бежали, ревели и клочкотали. Над ними парили звенья самолетов, атмосферные машины, которые превратили шпиль космопортов в свои насесты. Они кружили над колоннами, словно летучие мыши.

На самых восточных укреплениях и стенах Внутреннего дворца защитники почувствовали волну наступления, как колебание воздуха. На полуразрушенном парапете укреплений Колоссов Джагатай-хан ощутил вибрацию и всмотрелся в сумрак восточного горизонта. За спиной стояли его воины и грозные пророки. Их белая броня порозовела от крови. На некоторых была их собственная. В глазах смотрящего вдаль Хана читалась усталость, и только насмешка обреченного сдобрила улыбку, которая появилась на его лице. - Буря, сотрясающая землю, - сухо сказал он. - Похоже, это дурное предзнаменование даже я могу прочесть. - Нам выступить ей навстречу, мой Хан? - спросил Наранбаатар. - Перехватить черную молнию, прежде чем она ударит в землю. - А что если мы падем во время атаки? - Тогда мы умрем и отправимся за горизонт, мой Хан. Джагатай-хан не ответил, продолжая, не мигая, смотреть вдаль.

Южнее Сангвиний почувствовал эхо молчания брата, словно дуновение ветра в лихорадочном жаре своих мыслей. Когда он ощутил дрожь земли, в его голове закружилось пламя и гибель. Накануне он нашел надежду во тьме, но сейчас... что? Не тьму, но нечто иное: вопрос? Вопрос, который он еще не слышал, ожидающий в пекле, которым было будущее, вопрос, ответом на который были только кровь и убийство.

В десантно-штурмовом корабле, летящем на восток между защитным щитом и вершинами зданий, Рогол Дорн увидел волну в виде растущего потока донесений от передовых частей на восточных стенах. Во тьме и одиночестве примарх молчал. Он думал о словах, сказанных братьям и командирам: что им только нужно держаться, что помощь идет. Он знал, что эти слова верные. Он надеялся, что верил в них.

ПЯТЬ

Из тьмы приходят ангелы

Лабиринт

Светоносцы

Сошествие Гнева, низкая орбита Сатурна

Зверь в его сне умирает. На снегу кровь, розовая слякоть, внутренности дымятся в холодном воздухе. Мальчик дрожит, подходя ближе, пистолет поднят, ствол неподвижен, белое дыхание вырывается между зубами. Зверь пытается пошевелиться, когда видит его, пытается дотянуться до него когтями. Его движения хлюпают в растаявшем от крови снегу. Мальчик видит, как чёрные глаза существа смотрят на него, пока он подходит, чтобы встать над ним. В этих чёрных глубинах есть разум: разум и узнавание. Мальчик опускает пистолет. Зверь тяжело дышит. Розовая жидкость пузырится между его зубами. Мальчик вытаскивает из ножен меч. Его длина не уступает росту мальчика, клинок, который он даже не должен суметь поднять, не говоря уже о том, чтобы управлять и владеть. Он убирает пистолет в кобуру, поднимает лезвие. Тёмные деревья дрожат вокруг него. Ветер приподнимает край его капюшона. Глаза зверя расширяются, когда он смотрит на него. Мальчик поднимает меч высоко над головой.

- Прости меня, - говорит он. Зверь рычит. Мальчик наносит удар.

Корсвейн проснулся в темноте своей кельи. Белое и красное во сне превратилось в чёрное. На мгновение он замер. Жёсткость старых, плохо заживавших ран вцепилась в его мускулы.

- Ваша светлость, - произнёс голос по устройству вокс-связи, прикрепленному к его черепу рядом с ухом.

- Да, - ответил он, встав в темноте и направляясь к двери кельи. Замки с лязгом открылись при его приближении. Свечи осветили помещение за ней. Облаченные в чёрное сервы и сервиторы уже снимали части боевых доспехов и оружия со стеллажей. В воздухе пахло оружейным маслом и топленым жиром.

- Пора, - раздался голос по вокс-связи.

- Понял, шкипер, - ответил он.

Он остановился в центре кельи, раскинув руки. Сервы окружили его. Его мускулы покрывали слои брони. Первые пластины плотно защёлкнулись над соединительными портами. В углу комнаты техножрец бормотал код, оживляя броню по частям. Пока этот ритуал не был завершён, мёртвый груз слоёв керамики висел на нём, как непрощённые грехи.

Было странно спать, видя место крупнейшей битвы в истории человечества. Но он спал. Это было в равной степени требование необходимости и благоразумия. Он не спал, пока они мчались сквозь варп. Каждую вахту, которую он простоял на мостике, его разум разрывался между бодрствованием и полукомагозным состоянием, которое являлось даром его генетического создания. Вокруг него скрипел *“Сошествие гнева”*, прорезая эфирные течения, и зверь крался на краю его отвергнутых снов. В тишине этих часов он слышал голоса своих страхов в полудрёме:

- *Слишком поздно, слишком поздно...* - произнёс призрачный голос Алайоша.

- *Имперуум уже мёртв*, - прохрипел Конрад Кёрз. - *Император - труп на троне.*

- *Я доверяю тебе*, - сказал Лев Эль'Джонсон. - *Не подведи меня.*

И снова, и снова, медленно кружа, пока военные корабли Тёмных Ангелов шли по морю Душ к мерцавшему свету Терры.

И вот они здесь, и они здесь одни, и поэтому у страха появился новый шёпот: где Лев? Где легион? Они должны были уже быть здесь. Бури утихли, и примарх услышал бы зов Терры так же, как и Корсвейн - не так ли? Если только он не услышал. Если только легиона больше нет. Если только те воины, которых Корсвейн привёл в Солнечную систему, не были последними из его братства...

Десять тысяч человек и две дюжины военных кораблей - ядро группы Корсвейна, обновлённое подкреплением с Калибана, которое ждало его в Зарамунде. Великое воинство... Ничто. Против сил, которые кишели на Терре и кружили в Солнечном космосе, ничто. Он видел это на лице адмирала Су-Кассен, когда её корабли нашли их.

- Вы привели так мало и слишком поздно...

Если в её голосе и прозвучала нотка разочарования, Корсвейн знал, что это эхо его собственного чувства. Он был уверен, что Лев и остальная часть легиона уже будут на Терре. Они должны были быть здесь. Именно этого и ждала Су-Кассен; именно этого и ждал её флот, чтобы встретить подкрепление, присоединиться к ним и проложить путь сквозь врага к Терре. Они ждали месяцами, сохраняя свои силы, нанося удары только там, где это было необходимо, собирая разведанные и планируя на тот момент, когда прибудет подкрепление. Они думали, что флот Корсвейна - это флот вестников, идущий впереди основных сил.

Уцелевшие в Солнечной войне держались в тени колец Сатурна, укрывшись в радиационном и магнитном полях планеты. Это была армада, сотни боевых кораблей, собранных вместе из тех, что противостояли нападению на Солнечную систему: корабли V, VII и IX легионов, флот Юпитера, флотилии Сатурна, а вместе с ними военные корабли, которые затмевали все остальные: *“Монарх огня”*, *“Красная слеза”* и *“Фаланга”*. Огромные и безмолвные легенды войны спали во тьме, активные системы отключили до бесшумного хода. Они попросили Корсвейна присоединиться к ним, стать частью армады, ожидавшей, когда придут силы Джонсона, Жиллимана и Русса, чтобы защитить ворота в Солнечную систему. Он думал об этом, пока вечная ночь плескалась о корпус его кораблей. Затем навигаторы перестали видеть свет Астрономикона. Никто не знал, почему или какое бедствие произошло на

Тронном мире, погасив маяк, но все знали, что это означало: исчезли шансы появления из ночи других кораблей, чтобы освободить Терру. Однако произошедшее кое-что прояснило в голове Корсвейна.

Двери в оружейную комнату открылись. Поток воздуха пошевелил свечи. Вошли трое воинов в чёрных доспехах. Все, кроме последнего, были без шлемов. Первым шёл Траган, капитан девятого ордена, его силовой кулак и левый наплечник были белыми, как кость, новые доспехи по-прежнему блестели свежим лаком; затем Адофель, магистр капитула, облачённый в расшитый серебром плащ космического командующего, его лицо напоминало лезвие топора из рубцовой ткани; последним появился Вассаго, единственный библиарий, в шлеме, психические кабели и системы покрывали его бронированную голову. На поясе у него висели серебряные ключи, а за спиной покоилась булава. Он один склонил голову, когда вошёл. Корсвейн ответил тем же жестом. Вассаго и калибанское подкрепление, которое они встретили у Зарамунда, продолжало приспосабливаться к своим местам в новом изменчивом командовании. Все они являлись хорошими воинами, но происходящее сейчас сильно отличалось от Калибана и десятилетий, когда у них почти не было забот, кроме набора новых рекрутов для легиона.

- Десантно-штурмовой корабль подготовлен, - сказал Адофель. - Вы уверены, что не хотите взять больше воинов?

- Больше? - переспросил Корсвейн. У него заискрились спинномозговые разъёмы, когда соединились с силовым ранцем.

- Да, - сказал космический командующий. - Вы доверяете им?

- Если они пожелают моей смерти, они могут открыть огонь по моему десантно-штурмовому кораблю до того, как мы доберёмся до "Фаланги".

- Есть другие варианты, которые они могут попробовать.

Корсвейн внимательно посмотрел на Адофеля, затем кивнул и на секунду закрыл глаза. Сон по-прежнему не покидал его взор.

- Вот почему ты с Вассаго идёте со мной, - сказал он, - чтобы убедиться, что вместо меня не вернётся колдовское существо с моим лицом. Хотя сомневаюсь, что кому-то оно нужно - настолько уродливым его сделала эта война.

Никто из них не улыбнулся. Они все видели слишком много того, на что способен враг, чтобы посмеяться над этой шуткой.

Последние пластины закрепились на месте. Магнитные поля щёлкнули. Энергия с шипением прошла по волоконным пучкам и нейронным связям. Тяжесть доспехов исчезла. Корсвейн протянул руку за мечом, когда серв застегнул белую шкуру на его плечах:

- Пусть корабли будут готовы прервать безмолвный бег и сражаться, если мы не вернёмся в течение положенного времени.

- Думаете, они согласятся помочь? - спросил Адофель.

Корсвейн не ответил, просто вышел из кельи, убирая меч в ножны.

Путешествие с "Сошествия гнева" к "Фаланге" происходило на десантно-штурмовом корабле.

Эскадрильи Первого легиона сопровождали их по флангам, пока весь строй не был окружён кораблями в жёлтых и чёрных цветах Имперских Кулаков, и затем одинокая “Грозовая птица” с Корсвейном и его почётной гвардией скользнула в пусковой отсек “Фаланги”. Полная рота воинов VII легиона встретила их с оружием наготове, когда они высадились. Это нельзя было назвать тёплым приёмом. Они были осторожны и подозрительны.

Корсвейн заметил следы боевых повреждений, когда вышел из корабля.

Халбрак, Су-Кассен и Белый Шрам, которого Корсвейн не знал, ждали его, окружённые парой дредноутов. Воин в жёлтых цветах Имперских Кулаков, с посохом и шлемом с пси-капюшоном, отражение Вассага, наблюдал из-за спин группы. Первый легион не был одинок в нарушении Никейского эдикта, отметил он. Библиарий Имперских Кулаков наклонился к Халбраку и Су-Кассен, когда свита Корсвейна приблизилась.

- Вы привели с собой псайкера, - сказал Халбрак. Корсвейн посмотрел на командующего Имперских Кулаков. Он знал его, один из лучших людей Рогала Дорна, каменный человек, непреклонный, как скала. Но это была их первая встреча. Терминаторские доспехи защищали его тело, жёлтые с багровыми полосами на наплечниках. Хотя доспехи были чистыми, на броне виднелись неотремонтированные боевые отметины, словно шрамы, которые носили в качестве медалей.

Корсвейн снял шлем и встретился с холодными синими глазами Халбрака своим изумрудным взглядом. Он повернул голову, чтобы посмотреть на Вассага, затем снова на стоявшего рядом с Халбраком библиария Имперских Кулаков.

- Мы научились быть осторожными, - сказал Корсвейн. - В эти времена трудно с первого взгляда отличить друга от врага.

Выражение лица Халбрака не изменилось.

- Ваш брат не будет использовать свои способности, - сказал Халбрак. - Если он это сделает, мы узнаем, и с вами будут обращаться как с врагом.

Корсвейн выдержал взгляд Имперского Кулака целую секунду, а затем повернулся и кивнул Вассага.

- Это улажено, - сказал Корсвейн, оглядываясь на Халбрака и адмирала. - Я вижу, что вы также научились осторожности.

Халбрак не ответил.

Су-Кассен вышла вперёд. Она родилась в космосе, поэтому была худощавой и с тонкими костями, глаза были тёмными. На униформе мерцали звёздные символы и орбитальные кольца командования Солнечного флота. Как и о Халбраке, Корсвейн слышал о ней: старый воин, рождённый и созданный в другое время.

- Добро пожаловать, лорд-сенешаль, - сказала она. Она не склонила головы. Она была смертной, но здесь, на этом корабле и в своём флоте, она была полной госпожой. По её слову говорило оружие, созданное для уничтожения империй. Если вес такой силы и был бременем, то ничего из этого не отразилось в её взгляде.

- Вы рассмотрели мою просьбу объединить ваши силы с нашим флотом? - спросила она.

- Рассмотрел, - ответил он.

- Но вы не согласны, - заявила она.

- Нет, - сказал он. - Я пришёл попросить вашей помощи.

Неотмеченное-неизвестное

Олл проснулся с камнем под лицом. Холодный камень, сглаженный шагами. Он приподнялся, сжав нож и компас.

Ничего. В его руках не было ничего, кроме холодного, пустого воздуха. Он огляделся по сторонам.

Каменные стены, отделанные и тесно подогнанные, образовывали коридор, достаточно широкий, чтобы он мог раскинуть руки. Он посмотрел в обе стороны. Тьма впереди и тьма позади. Рядом с тем местом, где он только что лежал на полу стояла масляная лампа. Он узнал её стиль, бронзовую отделку и узор на ручке. Это было из королевства, которое давным-давно превратилось в руины. Он снова посмотрел на стены и пол. Они были знакомыми, как лицо старого друга или старого врага.

У него возникло чувство, которое ему не понравилось; чувство, что он знал, где он и когда. Должно быть, их вышвырнуло из зоны раскола после того, как они сделали последний разрез. Они упали обратно в клубок истинного времени. Похоже это так... Но почему? За последние семь лет он много раз перемещался между временами и местами, возвращаясь на старый мир, на Терру, чтобы сделать то, что он даже не был уверен, что хочет сделать. В самом начале он шёл по пути, проложенному для него Джоном Грамматиком, когда псайкер подталкивал его с места на место по извилистой, скрытой дороге. Он уже давно не получал прямых известий от Джона. Он старался не думать об этом больше, чем нужно. Глядя в темноту за светом лампы, он начинал жалеть, что не слышит Джона. Он начинал жалеть, что не знает больше о том, что их ждёт, если они сделают следующий разрез.

Разрез...

Его руки инстинктивно сжались. Он оглянулся.

Нож исчез.

Остальные тоже исчезли.

- Кэтт? - позван он. - Рейн?

Из темноты не пришло никакого ответа, даже эха его собственного голоса.

Он открыл рот, чтобы позвать снова, и замер.

Шаги... звук почти неслышных шагов по камню, где-то в отдалении позади него.

Шарканье-стук... Шарканье-стук... Ритмично и медленно.

Он обернулся.

Снова тишина.

Он осторожно наклонился и поднял лампу, гадая, кто зажжёт её и почему она осталась рядом с ним, когда он проснулся. Кому она принадлежала? Кто положил её сюда?

- Скоро придётся сделать выбор, - произнёс голос за его спиной.

Он развернулся, сжав кулак для удара. У подножия стены сидел мужчина. На его тунике, под лежавшими на животе руками была кровь, красная, просачивавшаяся сквозь пальцы. Мужчина посмотрел на Олла и улыбнулся. Зубы у него были розовые:

- Я должен был послушать тебя. Надо было поднять белые паруса.

Олл почувствовал холод. Он знал лицо. Это было лицо, которое улыбалось радостью прыгавших быков, которое без колебаний спустилось в Миноский лабиринт, лицо человека, которому Олл сказал поднять белые паруса, но тот не послушался.

Олл знал, где он.

- Ты всегда хорошо умел выбирать, старый друг, - сказал Тесея, - но то, что впереди, будет самым худшим из всех, на этот раз нет ясного пути, нет нити назад.

Олл поднёс лампу поближе. Свет показал больше крови, намного больше, гораздо больше, чем человек может прожить без неё.

- О каком выборе ты говоришь? - спросил Олл. - Откуда ты знаешь?

Из темноты донёсся рёв, эхом отразившийся от камня. Он звучал так, как будто кто-то испытывал боль, как будто кто-то был голоден.

- Оно сказала мне, - ответил умирающий Тесея, он посмотрел в темноту, когда звук затих. - После того, как оно... после того, как оно сделало это, оно рассказало мне всё, что знает. Оно сказала мне, что ты придёшь. Оно сказала мне, куда ты идёшь. Оно сказал мне, что ждёт тебя здесь, и что ты не можешь выбраться - даже если ты думаешь, что свободен, это не так. Это место - не просто тайна в камне, старый друг... Должен был догадаться... Как могла каменная головоломка удержать сына-бастарда бога? Я должен был догадаться. Я должен был послушать тебя. Дедал хорошо выполнил свою работу. - Спина Тесея выгнулась. Его глаза и рот сжались от боли.

- Ты вышел, - сказал Олл. - Это не то, что случилось. Ты убил зверя. Ты вышел.

- Нет, - возразил он с кровавой усмешкой. - Я по-прежнему здесь, и всегда буду. Сделал... - У него перехватило дыхание, и теперь кровь ярко блестела на его губах, розовая пена стекала по подбородку. - Сделал неправильный выбор. Ни нити, ни пути назад. Глупец... Ты был прав тогда, но теперь ты снова здесь, как и было предсказано. - Веки начали подрагивать. Его голова упала на грудь.

- Как я снова оказался здесь? - неожиданно настойчиво спросил Олл, положив руку на плечо Тесея. - Это ты, Джон? Это ты пытаешься мне что-то сказать? Как мне выбраться отсюда? Что мне делать дальше?

Глаза Тесея на секунду приоткрылись, но зрачки были маленькими, расфокусированными.

- Кто... кто такой Джон? - спросил он. Его глаза закрылись. Олл замер, потом убрал руку; она была мокрой и красной.

Он покачал головой. Где-то вдалеке слышались шаги, они становились всё ближе.

Шарканье-стук... шарканье-стук, шарканье-стук... Быстрее, набирая скорость, как будто спеша.

Он повернулся на звук.

Что-то появилось из темноты позади него.

Дуновение воздуха коснулось его щеки. Пламя лампы дрогнуло и погасло.

Чернота.

- Две минуты одна секунда!

Голоса были над ним, вокруг него, громкие, настойчивые, испуганные: Кэтт, Рейн, Зибес.

- Олл? Олл? Ты слышишь меня? - Кэтт, определённо Кэтт.

- Скоро оно будет здесь. Нас поймают!

- Олл? Его глаза открыты.

- Что с ним?

- Я не знаю. - Снова Кэтт.

- Похоже, он в шоке. - Кранк. Да, это был Кранк

Олл увидел свет, размазанный свет. Тошнота подступила ко рту.

- Две минуты сорок одна секунда! - Рейн.

Олл попытался двигаться, но он онемел, потерял чувствительность, замёрз.

- Нож... - Он выдавил из себя это слово и снова попытался подняться. Он чувствовал нож в руке, такой же определённый и верный, совсем не как в... в лабиринте. Эта мысль застряла, как узел в испорченной верёвке.

- Три минуты! - Зибес, громко теперь от страха.

Олл опять попытался пошевелиться и почувствовал, как его руки и ноги болтаются, как отрезанные куски шнура.

- Он не может этого сделать! - Снова Рейн, почти неприкрытая паника. - Нам конец! Нам...

- Я могу, - произнёс голос Кэтт, низкий и близкий, спокойный, контролируемый. Олл почувствовал, как нож вырывается из его пальцев, и крепче сжал руку. Мир вращался. Он падал. - Отпусти. Я держу его. Просто отпусти, хорошо, Олл.

Нож, нож, который он принёс с собой с Калта, который прорезал им путь в безопасность и теперь сюда. Нож, который, как он чувствовал, был не просто ножом. Их единственный выход, их единственный путь вперёд, их единственный способ остаться в живых.

- Ты всегда хорошо умел выбирать, - произнёс голос Тесея в тихом коридоре памяти. Олл вспомнил, как Ариадна улыбалась Тесею и сплетала между пальцами паутину из нитей.

Олл расслабил пальцы. Нож выскользнул.

- Что ты делаешь? - Рейн, вне себя от ужаса. - Кэтт, что ты делаешь? Ты не знаешь... Ты не можешь...

- Помолчи, - сказала Кэтт ясным голосом. Олл открыл глаза. Он увидел стоявшую над ним Кэтт. В руке она держала компас, чёрный каменный нож был поднят, она стояла совершенно неподвижно. Умная Кэтт, она смотрела, слушала, училась, росла в течение семи лет.

- Три минуты тридцать секунд! - закричал Зибес.

Металлические руки подняли Олла. В нос ударил запах машинного масла и пота.

- Я держу вас, рядовой Перссон, - прогудел Графт.

Олл почувствовал холодный порыв ветра за спиной, услышал скелетную песню предсмертного хрипа. Кэтт вздрогнула. Нож задрожал. В воздухе повисла знойная дымка, тень на периферии зрения, прямо за Кэтт, прямо за Графтом, позади них всех, стоявших вместе с ними.

- Три минуты сорок одна секунда!

Нож в руке Кэтт скользнул вниз.

"Фаланга", низкая орбита Сатурна

Су-Кассен и Халбракт долго молчали, когда Корсвейн закончил говорить.

Битва и огонь отмечали зал для аудиенций, в который они привели его. Двери выгнулись от жара. По каменному полу протянулись борозды. Следы ожогов ползли по каждой поверхности, словно пойманные в ловушку тени. И ещё был запах, резкий и горький, как дым костра и медь.

Он видел, что Вассаго наблюдает за ним. И Халбракт тоже. Они вчетвером стояли в гулкой тишине.

- Вы надеетесь погибнуть в бою? - спросила наконец адмирал. Он заметил, что её взгляд был уверенным и проницательным - взгляд хищника-ястреба.

- Надежда остаётся прежней, не так ли? Помощь придёт от Ультрадесанта, моего сеньора и братьев по легиону. Без маяка Астрономикона, который вёл бы их, они никогда не придут. - Он на секунду закрыл глаза. Вздрогнул, когда змея старой боли поднялась в восстановленном позвоночнике.

- Мы пришли сюда с определённой целью, - продолжил Корсвейн, открыв глаза. - Мы отправимся на Терру, и если маяк погас, мы снова зажжём его.

Адмирал и Имперский Кулак смотрели на него. Он встретился по очереди с каждым из них взглядом, не моргнув:

- У тебя свои приказы и свой долг, и я достаточно хорошо знаю сыновей лорда Дорна, чтобы понимать, что они никогда не нарушат подобной клятвы, а такие поиски - это дело воинов, а не орудий космических кораблей. Я надеялся оказаться здесь рядом со Львом, но я не стану ждать его в темноте, потому что без света, что будет вести его, он никогда не придёт. Тёмные Ангелы... так нас называют, но мы будем светоносцами. Маяк будет снова зажжён.

- Или вы погибнете, пытаясь... - заметила Су-Кассен.

- Нас десять тысяч рыцарей Льва, мы сделаем это.

Он увидел, как уголки губ Су-Кассен дрогнули в улыбке.

- Что-то мне подсказывает, что все возражения и разговоры о безнадёжных шансах на выживание даже не заставят вас моргнуть, - сказала она и улыбнулась ещё шире. - И, честно говоря, я была бы разочарована, если бы они это сделали. Корсвейн склонил голову.

- Вы не пройдёте незамеченным, - сказал Халбракт. Корсвейн встретился взглядом с Имперским Кулаком. Он понимал, что имел в виду другой воин. Он слушал в течение часа, пока адмирал Су-Кассен кратко излагала боевую обстановку в Солнечной системе. Каждая часть тьмы несла в себе частичку порчи предателей. Эскадры истребительных кораблей и грабителей охотились в пустоте. Твари из варпа кишели в заливах реальности, притянутые грубым колдовством, которое привело большую часть флота магистра войны во внутреннюю систему. Флот предателей не стал останавливаться ради завоевания каждой планеты или куска камня, но ни что из них не осталось без внимания и не могло предложить безопасную гавань.

Последовавшие за Гором и служившие только самим себе убийцы и корсары продолжали вести свои собственные битвы злобы и жестокости на орбитах Сатурна, Меркурия, Нептуна и Венеры. Марс принадлежал Тёмным Механикум Кельбор-Хала. Железные Воины укрепили орбиты Плутона и Урана и оставили гарнизоны и боевые группы, которые могли сдерживать любую силу, попытавшуюся проникнуть в систему через любые из двух её главных варп-врат. Рядом с Террой вакуум кишел тысячами кораблей предателей, многие из которых были величайшими и самыми ужасными в своём роде: *"Терминус Эст"*, *"Крестоносец"* и *"Дух мщенья"*, пропитанные кровью императоры космической резни. Ещё ближе, в высоких и низких орбитальных сферах, плотность военных кораблей была достаточной, чтобы их двигатели затеняли огни небес, если смотреть с поверхности.

- Что ещё нам остаётся, если мы оставим наши мечи в ножнах, а дела несделанными из-за отсутствия надежды?

Халбракт медленно кивнул.

- Если бы у нас было больше времени, - сказал Имперский Кулак. - Думаю, мне бы хотелось узнать вас получше.

- Есть способ сделать это, - сказала Су-Кассен и посмотрела на Халбракта. - С правильным оружием никакая стена или ворота не смогут преградить нам путь, разве это не та истина, которой придерживается ваш легион?

Неподвижное лицо Халбракта сморщилось, когда он нахмурился. Затем он покачал головой:

- Нет, его нельзя так использовать. Это...

- Это оружие без цели, - перебила она его. - Мне поручено удерживать мощь нашего флота в неприкосновенности до тех пор, пока его не призовут или не придут союзники. - Она кивнула на Корсвейна. - Они пришли.

- Флот должен оставаться целым и готовым.

- Один корабль, - сказала Су-Кассен. - Один корабль для дела. Доставить Ангелов Калибана на почву Терры, к маяку Терры.

Халбракт снова покачал головой, но скорее в раздумье, чем в знак несогласия:

- Они вам не подчиняются. Они могут не согласиться.

- Они согласятся, - сказала она.

Корсвейн наблюдал и ждал.

- Почему вы так уверены? - спросил Халбракт.

- Это им понравится.

- Думаете, вы знаете, что у них на уме?

Су-Кассен слегка кивнула:

- Достаточно, чтобы знать, что они согласятся.

Она обратилась к Корсвейну:

- У нас есть способ помочь вам добраться до Тронного мира.

Он склонил голову в краткой благодарности, затем задал вопрос, который держал за зубами:

- Спасибо, но о каком корабле вы говорите?

Су-Кассен улыбнулась, и её тёмные глаза, казалось, засветились.

- Корабле, который когда-то нёс свет Империи, - ответила она.

ШЕСТЬ

Итог

Когда она звалась Землей

Обнаружение

«Дух мщения», орбита Терры

Это больше не был корабль. Когда-то он считался одним из самых могучих и величественных детищ войны и железа, освещающих пустоту огнем. Форрикс знал его в те старые времена, видел его в бою, украшенным вражескими попаданиями и источающим собственную ярость. Первый капитан видел, как он сжигает дотла флоты чужаков, и, поднимая голову на полях триумфа, видел его висящим в небе подобно знамени. Теперь корабль превратился в тень того прошлого, очертания, созданные утраченным светом. Из теней коридоров, по которым они шли, наблюдали существа. Высеченные на стенах орлы рыдали серебряными слезами. Символы былых побед завесили черными знаменами из кожи и тонкого, как дым, шелка. Форриксу показалось, что он услышал голоса прошлого, говорящие на грани слышимости. *«Дух мщения»*... Будь у Форрикса чувство юмора, он мог бы расслышать смех в этом имени.

Пертурабо шел в сопровождении квартета автоматов Железного Круга, а перед ними маршировали Форрикс и трое терминаторов Первой гранд-роты. Аргонис шел рядом с Форриксом, держа шлем под

одной рукой, а жезл должности в другой. Темные глаза Пертурабо неподвижно смотрели перед собой, но одна из оружейных установок со стуком перезарядилась, среагировав на следовавшие за ними тени. Аргонис тоже молчал с каменным лицом. Советник магистра войны был таким с момента, как они взлетели из порта Львиные врата. Его молчание действовало на Форрикса сильнее шепотов и теней, обитающих на корабле. Аргонис был хтонийцем до мозга костей, но в этой натуре присутствовало самодовольство убийцы, кровожадная насмешка окружающему миру. Сейчас к этой самоуверенности добавилось еще кое-что. Будь Аргонис смертным, Форрикс мог счесть это страхом. Или сожалением.

Дверь в тронный зал появилась перед ними так внезапно, что Форрикс от удивления остановился. У него были отчетливые воспоминания о корабле, он проходил здесь раньше, но не узнавал коридоры, ведущие к командному залу. «Тронному залу», напомнил он себе: не место командования или приветствия, но место власти. Когда он посмотрел на двери, в голове возник болезненный гул. Раньше они были из пласта со слоями красного железа и адамантия. Теперь выглядели, как обсидиановые, под гладко отполированной поверхностью двигались, словно дым, отражения.

Форрикс вдруг увидел фигуры в черной терминаторской броне, стоявшие с обеих сторон дверей. Как он их не заметил? Железный Круг развернулся, заряжая оружие и поднимая щиты. Пертурабо дернул головой, и автоматы застыли. Трое терминаторов Форрикса перестроились в треугольник, выставив оружие.

- Вольно, - приказал Пертурабо. - Мы в доме моего брата. Какое зло может нам здесь грозить? - Его взгляд переместился к Аргонису. Советник не ответил, но шагнул вперед и поднял жезл. Двери открылись. Изнутри зашипел белый холодный воздух, похожий на дыхание зимы.

Аргонис повернулся.

- Входите, - сказал он. Пертурабо секунду не шевелился, его глаза превратились в черные жемчужины. Затем он шагнул вперед, пластины доспеха отразили свет, словно лезвия ножей. Железный Круг и терминаторы остались на месте. Форрикс последовал за примархом.

На миг он оказался в полной и абсолютной темноте. У Форрикса возникло ощущение, что он шагнул с края скалы. Затем его нога коснулась палубы. В лицо первого капитана хлынул свет, такой яркий, что в глазах на секунду побелело для компенсации. Солнечный свет бил из круглого иллюминатора в дальней стене. Золотистые лучи отражались от золотых колонн и отполированного до зеркального блеска пола. Здесь не обитали тени. Просто не могли. Только свет, чистый, сверкающий, слепящий.

Перед иллюминатором сидел Гор. Его доспех был черным, но тоже сияющим, как будто магистр войны был призмой, которая улавливала свет, а затем отражала его, словно сам Гор был источником всего освещения. Его трон обрамлял ореол из кристаллов и золота. Под клинками левой руки лежал отполированный череп Ферруса Мануса. Лицо магистра войны было открытым, безмятежным, доброжелательным.

- Мой брат, - обратился Гор, поднявшись навстречу подошедшему Пертурабо. Форрикс держался в шаге позади своего повелителя. Аргонис прошел вперед и встал рядом с тронном. Советник казался неуместным рядом с ослепляющим присутствием магистра войны человечества.

Пертурабо коротко кивнул.

- Мой магистр войны, - ответил он.

Гор сошел по ступеням тронного помоста. Форриксу показалось, что он заметил краем глаза, как в

блеске что-то сместилось, подобно пятну маслянистого дыма над пылающим горизонтом, подобно миражу.

- Ты сделал это, - сказал Гор, остановившись перед Пертурабо и положив руку на плечо Повелителя Железа. - Все, что лежит за пределами последней стены нашего отца - наше. Наши войска сотрясают землю. Все, что остается Рогалу - осыпающееся кольцо неудач. Вот он итог. Как я просил и только ты мог сделать.

Форрикс почувствовал, как подскочило сердце, как прошла усталость, которую он даже не осознавал. Он ощутил восторг, удовлетворение, словно все, что произошло ранее, было сном, а все, что произойдет - обещанием блаженства.

Пертурабо долго смотрел на брата. Глаза, казалось, не отражали золотой свет зала.

- Дело не завершено, - сказал он. - Но будет. Стены падут. Когда это случится, а гордыня нашего брата будет лежать в руинах его творения... Тогда мы назовем это итогом.

Улыбка Гора расширилась. Он не убрал руку с плеча Пертурабо. От магистра войны исходило тепло, понимание и полный самоконтроль.

- Как всегда, с твоим мастерством сравнится только твое усердие. - Гор позволил руке опуститься и повернулся вполоборота. Он пошевелил пальцами, и возникли светящиеся экраны. В воздухе повисли карты, на которых с идеальной точностью и разноцветными ореолами демонстрировались значки боевого состава подразделений и тактические данные. По изображениям ползли подробности, крошечные движения, которые повторяли массовые перемещения на поверхности планеты. Картина казалась нереальной, словно это не данные или проекции. А образ, на который смотрело огромное всевидящее око.

- Космопорты - мои, как ты и обещал, - сказал Гор. - Мои силы движутся в полном составе по поверхности Земли.

- Почти все твои силы. Остаются только последние подразделения Легионов и Легио титанов. Как только они вступят в бой, тогда начнется последняя фаза.

Гор провел когтями левой руки сквозь образы Дворца. Форриксу показалось, что он увидел вспышки взрывов там, где кончики лезвия коснулись изображения. Магистр войны не смотрел на Пертурабо.

- Последние из моих сынов и машины Мортис... - Его голос был тихим, небрежным, как мурлыканье хищника.

- Третий покидает зону боевых действий... - сообщил Пертурабо. - Его силы необходимо заменить.

- Сила... - произнес Гор, слово повисло в воздухе. Его когти были нацелены на образы боевой сферы. На острых лезвиях мерцали отметки угроз и показания боеспособности подразделений. - Когда я отправлю в бой всех своих сынов, ты их растратишь так же, как и у Сатурнианской.

Тон его голоса по-прежнему излучал спокойствие и тепло, но Форрикс почувствовал, как по спине пополз холодок. Вот и причина, по которой магистр войны вызвал Повелителя Железа: три роты XVI Легиона и Морниваль погибли в разломах и пещерах под Сатурнианской стеной, военная хитрость, которая по замыслу должна была принести быструю победу, обратилась кровавым поражением и резней. Дорн раскусил замысел и ждал их. Из ударной группы выжил только Абаддон, остальных погребли

заживо или вырезали. Это была горькая утрата, ставшая хуже из-за того, что элита Сынов Гора действовала без прямого разрешения магистра войны. План утаили от него, скрыли, не сообщив о нем. Если бы он сработал, победа гарантировала бы прощение. Теперь Пертурабо столкнулся с последствиями.

- Потери - это фактор в любой победе, - заявил Пертурабо холодным голосом. Его черные глаза не мигали.

- Пытаешься наставлять меня, брат? - Гор позволил когтям опуститься из проекции. Он улыбнулся Пертурабо. - Это не важно - операция стоила риска и потерь. Будь иначе, я бы не позволил ее проведение. - Форрикс почувствовал, что удивленно моргает, а затем ползущий вниз по спине холод усилился. Магистр войны продолжал улыбаться. - Ты и в самом деле думал, что я не знаю? Мне все открыто. Я - просвещение. - Он подошел к Пертурабо. Воздух вдруг стал тяжелым, наэлектризованным и вязким. Форрикс почувствовал давление в черепе. А во рту привкус сахара, крови и пепла. На периферии зрения что-то двигалось, что-то в золотом свете - что-то сразу за ним, за пределами видимости. На лице Пертурабо выступили черные вены, набухая одновременно с натянувшимися в канаты мышцами. Форрикс увидел, как раскаляется броня примарха. Затем, на миг, магистр войны показался не человеком, но тенью в сердце этого ада...

Затем он снова стал собой, сияющим и улыбающимся. Он похлопал Пертурабо по плечу. Давление исчезло. Свет вернулся.

- Мой добрый брат, - сказал Гор. - Железо внутри, железо снаружи, железо навечно. Ты выполнил все, что обещал. О чем еще я мог попросить тебя?

- Дело будет сделано. Это будет подлинный итог. Тогда я назову его выполненным.

- Ты назовешь его выполненным? - спросил Гор, и в его голосе появилась мягкая нотка веселья, как далекий раскат грома. - А что на счет твоего магистра войны - что на счет выполнения его приказов?

- Я даю тебе то, что ты хочешь.

- Действительно?

- Это единственный способ.

- Медленное перемалывание уравнений. Стены, разрушаемые щелчками коэффициентов в когитаторах. Единственный способ? Там, где нет способа, я создам его. - Гор медленно повернулся. Поднял руку. Экраны растворились. Все, за исключением одного. Он увеличился, пока участок Внутреннего дворца и его стены не заполнили пространство между примархами. Гор направил серебряный коготь в сферу света. Его острие выделило секцию стены в красном свете. - Здесь, - сказал он.

Пертурабо молчал, лицо застыло, пока он смотрел туда, где находилось лезвие. На миг Форриксу показалось, что глаза и разум обманывают его. Меркурианская стена, двести километров почти нетронутых укреплений. Почти тысяча двести метров высоты от бруствера до основания. Многорусная горная гряда из камнебетона, металла и отесанного камня. Два бастиона, каждый из которых был сам по себе крепостью, наблюдающие за зоной поражения, которая протянулась на сто двадцать километров от стены до горизонта. Вместе с Ликующей, которая лежала на восток от нее, она была одним из важных участков Последней стены, опоясывающей Внутренний дворец.

- Штурм на этом участке провалится, - заявил Пертурабо.

- Он будет проведен, - сказал Гор, не отрывая глаз от изображения. - Ты окружишь стены, брат, так же как моя мощь окружит нашего отца. От восхода до заката не будет передышки. А Мортис выступит всем составом. Они откроют нам дорогу внутрь.

Легио Мортис, Мертвые Головы, самый многочисленный из Легио титанов, первый присягнувший Гору и новой эре - легион, чье имя было обещанием тем, кто выйдет против них на поле боя. До этого момента они не ступали на землю Терры, но спали в кораблях-гробницах во мраке пустоты над планетой. Спали и ждали.

- Они не доберутся до стены, - сказал Пертурабо. - Прогнозы несомненны. Ждать, пока общий штурм сделает свое дело и каждая стена падет.

Когтистый палец Гора опустил, разрезав изображение, прежде чем оно исчезло. Он отвернулся от Пертурабо и Форрикса, направившись к трону.

- Если Мортис выступит против Меркурианской сейчас, они потерпят неудачу, - заявил Пертурабо, и Форрикс почувствовал в его голосе гнев и волю.

- Они доберутся до стены, и та падет, - сказал Гор. Он повернулся и сел, и когда посмотрел на них, Форрикс отвел взгляд.

- Как это возможно?

- Потому что такова моя воля, - сказал Гор.

Звездное копьё, космопорт Львиные врата

Корабли-ковчег Легио Мортис прибыли к шпилью космопорта Львиные врата. Другие суда, которые выгружали грузы в доки, отошли на верхние орбиты, подобно придворным, уступающим дорогу главному палачу. Корабли-ковчег медленно приблизились, сохраняя идеальный строй. Каждый из них был до абсурдного огромен. По мере спуска через верхние слои атмосферы на черных бортах образовывалась изморозь. На стыковочных платформах ждали слуги Нового Механикума. Одни рыдали испорченным бинарным кодом. Другие наблюдали за спуском ковчегов в полной тишине верующих, узревших, как воплощается молитва. Всех сервиторов и сервов проанализировали и вычистили, так чтобы оставшиеся были достойны смотреть на самые священные из ходячих богов-машин.

Спустился первый из ковчегов. Его громада поглотила звездный свод и сияние солнца над облаками. Вдоль многокилометрового корпуса включились маневровые двигатели. Разряженный воздух вскипел. На стыковочных платформах машинных аколитов и сервов подняло в воздух. Прошли минуты, пока ковчег преодолел последнюю сотню метров. На вершине шпиля выдвинулись швартовочные мостики. Стыковочные платформы выпустили стометровые пальцы. Доковые буксиры, едва превосходящие размерами блоки маневровых двигателей ковчег, начали толкать корабль на место. Первые швартовы коснулись и схватили корпус и начали подтягивать его. Корабль задрожал. Двигатели засияли ярче. На платформах закружились торнадо. Буксиры толкнули сильнее, когда мостики дотянулись и схватили корпус корабля. Метр за метром он подтягивался к вершине шпиля. Стыковочные конечности примагнитились к грузовым дверям, как рыба-прилипала к морскому левиафану. Ожидающие жрецы смотрели на люк стометровой высоты в корпусе. Его усеяли вмятины от ударов микромусора, и от него по серебряным направляющим бежал сгущающийся воздух, барабанил по жрецам, подобно фальшивому дождю. Вибрация маневровых двигателей, удерживающих корабль в воздухе, теперь вызывала дрожь

вершины башни. Когда пристыкуются больше этих огромных кораблей, компенсирующим машинам строения придется потрудиться, чтобы не позволить шпилью развалиться от сотрясения.

Замки расцепились с лязгающим эхом. Затем двери начали медленно и со скрежетом открываться. Темнота, испещренная красным светом. Воздух внутри, встретившись с атмосферой шпиля, превратился в туман. Некоторые из машинных жрецов упали на колени. Другие дрожали. Третьи, не отрываясь, смотрели в темноту. Из решеток динамиков стрекотали молитвы на бинарике и скрап-коде. Группа сервиторов с паучьими ногами скончалась в брызгах искр после перегрузки их машинных компонентов. По информационным соединениям прошелся пульсирующий гул безмолвного кода: числа проваливались в ямы безрезультатных вычислений, волновые сигналы обрывались, время убывало со звуком осыпавшегося песка.

Внутри отсека зашевелились очертания. Раздался лязг железа. Стук поршней, передвигающих вперед тысячи тонн металла. Мучительный гул скованной энергии. Тень огромной фигуры. Гул чисел теперь оглушал, просачиваясь из данных в мысль, царапая, словно мухи по ржавому олову. Тень заполнила дверной проем.

Жрецы не могли думать, проводить расчеты, двигаться. Все, что существовало в их разумах – это обещание идеального истребления. Зеро. Тепловая смерть. Абсолютная энтропия. Хаос данных. Ноль.

Через дверь прошла машина. И тогда даже самые непокорные жрецы поклонились, опустившись к звенящей палубе перед первым титаном Легио Мортис, ступившим на свет.

Старая Терра - Неизвестное

Первыми после падения пришли голоса. На секунду Олл засомневался, что они исходили из настоящего или другого времени. Падение сквозь разрез было неприятным, все время вниз. Оно продолжалось, а затем остановилось. Потом появились голоса.

- Мы на месте? – спросил Рейн. – То есть... это ведь какое-то место, правда? Это...

- Не знаю, – ответила Кэтт.

- Что ты сделала, девочка? – разозлился Зибес. Голос был жестким, с нотками страха.

- Я сделала разрез, – ответила она.

- Откуда ты знала как? – Зибес был напуган. Олл слышал это: по-настоящему напуган и зол. Понадобилось какое-то время, чтобы это вышло из массивного рабочего. Зибес закалился за прошедшие годы, научился выживать или, по крайней мере, мог продолжать путь. Он сделал это, обратив свой страх в гнев, а вместе с ним он позволил пустить корни в своем сердце семени жестокости.

«Моя ошибка», – подумал Олл. Еще одна к списку грехов, очередная плата за это путешествие с ними.

- Откуда ты знала, как сделать разрез? – прорычал Зибес. Раздался лязг поднятого оружия.

- Спокойно, Геб, – обратился Кранк к Зибесу, – спокойно, все хорошо.

- Нет! – зарычал Зибес. – Откуда она знала, как сделать разрез? Олл сказал, что обычный человек такого не знает. Так откуда она узнала? Что-то забралось в ее голову.

- Послушай, Геб, просто...

- Куда ты привела нас? - обратился Зибес к Кэтт. - И почему?

Куда... Они не вели отсчет, догадался Олл. И к тому же почувствовал какой-то запах. Что-то такое знакомее, но он никак не мог вспомнить что именно.

- Опустит оружие, Геб, - сказал Кранк. Теперь твердым голосом, в нем заговорил старый солдат. - Мы разберемся с этим, но у нас все окей.

- Что ты собираешься сделать, убить меня? Говорю тебе, здесь что-то не так, и с ней тоже. Что-то добралось до нее, в пространстве раскола - что-то могло прицепиться, снова завести нас в тупик. Мы знаем: она...

- Ведьма, - закончила Кэтт. Наступила тишина. Это слово не так часто употребляли во времени, из которого они пришли. Но они усвоили его, как и прочие пустяки и уроки их путешествия. Но они никогда не употребляли это слово в отношении Кэтт. Псайкер, вот кем она была. Насколько сильной Олл не знал. Тем не менее, ее силы росли.

Олл почувствовал, что его веки шевелятся, а затем вернулось ощущение тела. Что-то было не так, но не с Кэтт. А с ним. Его не просто было напугать, но очнувшись в темноте лишь с голосами, он, в самом деле, испугался, по большей части из-за того, что не знал почему.

- Это не ее вина, - сказал он. Открыв глаза, он увидел небо. Закат подкрасил лиловым цветом края синей полосы. Он выпрямился. Несколько секунд не чувствовал рук и ног, а затем ощущения вернулись. Они находились в длинной пещере, которую по виду вырубил и расширил в широкий туннель. Каменные стены и пол были гладкими, словно под воздействием течения реки. Стены сужались в узкое отверстие высоко над головой. Все это ощущалось исключительно знакомым, но не совсем узнаваемым.

Остальные смотрели на него. Зибес все еще держал оружие поднятым, но его рот был открыт. Руки Кранка были подняты в успокаивающем жесте. Рейн стоял в пяти шагах от них. Графт расположился рядом с Кэтт. Она встретила взгляд Олла и кивнула.

- Это не ее вина, - повторил Олл. Он оглядел их всех. - Нам всем стоит благодарить судьбу и Кэтт за внимательность.

Он протянул к ней руку. Она вернула нож и компас. Он заметил, что стрелка позади кристалла не вращается.

- Тогда где мы? - спросил Зибес.

- Не уверен, - ответил Олл, повернувшись к Зибесу, словно обсуждая, где скреплять известковым раствором столб изгороди. Поденщик по-прежнему не опускал ствол оружия и по-прежнему выглядел испуганным. Олл видел этот взгляд раньше. Некоторые путешествия ломали людей до того, как они возвращались к родным берегам. Слишком много времени за линией горизонта, слишком много времени среди штормов и размышлений о том, куда направляешься. Он просто надеялся, что приведет их куда-то до того, как это станет проблемой. Зибес встретился с ним взглядом, кивнул и опустил оружие.

- Спасибо, Геб, - сказал Олл ровным, почти небрежным тоном. - Я знаю, ты всегда прикроешь нас.

Зибес снова кивнул.

- Ты... - начал он, - ты в порядке, Олл?

- Да, - сказал Олл, - в полном. Не стоило смотреть на неправильное время. Моя ошибка. Старую, понимаешь.

Это вызвало у всех нервный смех. Зибес моргнул, потом кивнул.

- Окей, - сказал он.

- Спасибо, - повторил Олл, и подобрал с земли свое оружие и ранец. Остальные разошлись и спустились, чтобы осмотреть туннель по обеим сторонам, и отверстие вверху. Оружие наготове, пальцы на спусковых крючках - привычка, которая сохраняла им жизнь.

Олл проверил оружие и огляделся. Туннель с одной стороны поднимался, исчезая в сумраке. С противоположной стороны он поворачивал. Ветер в туннеле принес с собой запах холодных скал и нотку соли. Олл моргнул и почти улыбнулся. Он знал, где оказался.

- Похоже на старый водосток, - сказал Кранк.

- Так и было, - ответил Олл. - Его сделали для переброски воды целой реки. На это ушло время правления двух императоров.

- Двух императоров? - переспросил Рейн.

- Давным-давно, - пояснил Олл. - Тогда термин император значил меньше. Вода текла прямо здесь. Если бы мы стояли здесь, когда я видел водосток в последний раз, нас бы унесло.

- И где же мы? - спросил Кранк.

- Терра, - ответила Кэтт. Олл повернулся к ней, как и остальные. Все, кроме Зибеса, который продолжал смотреть вглубь туннеля. - Я имею в виду, Терра из прошлого, - продолжила она, глядя на Олла. - Когда она называлась Землей.

- Да, все верно, - сказал Олл. - Около тридцати тысяч лет в прошлое от того момента, как мы покинули Калт, плюс-минус.

- Тридцать тысяч... - повторил Кранк. - Так мы сбились с курса. Мы должны были оказаться в более близкое время, а теперь...

- Нет, - сказал Олл. - Я не уверен, почему мы именно здесь, но если компас не обманывает... - Он взглянул на Кэтт, которая кивнула. - Тогда что-то привело нас к этому повороту.

На секунду он подумал о Тесее, смотрящем на него в темноте Лабиринта с окровавленными губами.

- Может это очередное место из твоего прошлого, как и остальные, через которые мы прошли? - спросил Рейн.

Олл пожал плечами.

- В других местах на Старой Земле, через которые мы прошли, я был именно в то время, когда там жил, но здесь я никогда не был в это время. Вот почему я не узнал его - никогда не видел его отсюда, никогда не видел без воды.

- Тогда почему здесь? - спросил Кранк.

- Оно близко, - сказала Кэтт. Олл нахмурился. Ветер снова подул по туннелю. Кусок небо над ними темнел.

- Ближко к чему? - спросил Рейн.

- К тому, где заканчиваются пути, - сказала Кэтт. - Другое время, то же место.

Она посмотрел на Олла для подтверждения.

- Нет... - сказал он, повернувшись и оглядываясь, затем зашагал по склону туннеля вниз. - Нет, это не может быть правильно.

Олл услышал, как они пошли за ним, когда повернул за поворот и увидел, что туннель выходит на открытое пространство. Он остановился у выхода. От него шел спуск, высохшее русло потока оставило бледный шрам в земле. Вдалеке на длинном пляже разбивались волны. Ветер усилился. Олл почувствовал запах соленых брызг, запах старого моря чудовищ и островов, аромат моря, которое в прошлых эпохах он пересекал множество раз во всех направлениях. Он моргнул, глядя на него, вспомнив историю насмешливого ублюдка с Итаки - сбившегося с курса, когда конец путешествия уже был виден.

- Что не так, Олл? - спросила подошедшая Кэтт.

- Ты права, - сказал Олл. - Если мы здесь, то, видимо, потому что мы близко, если не во времени, тогда к месту. Но тогда мы не должны быть здесь, последний разрез должен привести к месту встречи... Если мы разрежем здесь, а следующий разрез - последний, тогда окажемся далеко от нужного места. Вот как работают эти устройства - они отвечают на наши желания. А мы не хотели оказаться здесь. Так что либо мы совершили ошибку, либо...

Олл вынул компас, открыл крышку, поднял к слабому свету. Серебряная стрелка за стеклянным кругом вращалась размытым пятном.

Порывы ветра вдруг стали холодить ему спину.

- Что это было? - спросила Кэтт.

Эхо стука и волочения ноги по камню.

Шарканье-стук... шарканье-стук...

- Счет... - наполовину застонал, наполовину зарычал Зибес. - Мы сбились со счета! Мы уже должны были уйти. Оно добралось до нас!

Рейн тяжело дышал, тараща глаза. Темнота сгущалась. Звук моря отдалялся.

- Оно приближается, - задыхался Рейн. - Оно здесь.

Так и было. Существо, которое следовало за ними. Вдруг оказалось здесь, всего в шаге позади.

Олл почувствовал его затылком: горячую волну давления, лихорадочное покалывание кожи. Он повернулся и посмотрел в темноту туннеля.

Шаги ускорились, приближаясь по туннелю, из которого они вышли.

Шарканье-стук, шарканье-стук, шарканье-стук...

Он посмотрел на компас. Стрелка дергалась между двумя направлениями.

- Олл... - застонал Рейн. - Олл, я чувствую его... Оно позади меня. Прямо за спиной.

Стрелка дергалась между севером и востоком.

Шарканье-стук, шарканье-стук, шарканье-стук...

Звуки ускоряющихся шагов почти добрались до него.

Шарканье-стук, шарканье-стук, шарканье-стук...

- Олл! - закричала Кэтт. - В туннеле что-то есть!

Он поднял голову. Туннель был перед ним, широкая и темная пасть. Шаги раздавались почти рядом с ними. Он почувствовал спиной теплый порыв влажного дыхания. За ним.

Шарканье-стук, шарканье-стук.

Звук шагов раздавался перед ним. Перед. Тень, перед ним, кто-то приближается к зоне видимости.

- Оно добралось до нас! - крикнул Кранк.

Прикосновение к спине. Медленный охотник теперь рядом с ним. Тупик. Здесь и сейчас.

Фигура спотыкается прямо на входе в туннель, падает.

Олл шагнул вперед.

Лицо поднялось, окровавленное и задыхающееся, беззвучно кричащее.

+Олл! закричал в голове голос Джона Грамматика +Олл, где ты?+

Затем лицо исчезло. Прямо перед Оллом темнеют кровавые отпечатки рук. Он посмотрел на компас. Стрелка замерла в направлении, где он увидел лицо Джона. Указывая прямо на вход в туннель. Позади он почувствовал мертвые пальцы на своей спине и звук мертвого дыхания, хрипящего позади улыбки. Нож по-прежнему в его руке.

- За мной!

Он разрезал.

Северный оборонительный обвод, слепая зона Меркурианской стены

- Контакт на семьдесят градусов к северу, - доложил Доллоран. Он замедлил шаг «Киллара». Акастия и Плутон скорректировали свой темп. Сенсорное око «Элата» развернулось вслед за взглядом Акастии. На краю экрана ауспика зашипел ответный сигнал.

- Металл и тепловое излучение, - сказала она. - Может быть одиночка или манипула.

- Или мертвая машина с утечкой из плазменного устройства.

Акастия на секунду задержала взгляд на экране, моргнула. До этого момента много часов было тихо.

- Посмотрим, - сказала она, и ударила ногой по двигательной шпоре. «Элат» вильнул на новую линию, шаг удлинился. - Ястреб и стрелок, - приказала она, но двое других уже догадались о построении и занимали позиции - «Киллар» в темпе «Элата» двинулся по широкой дуге, «Тавмант» держался на более низкой скорости позади, орудия опущены, сканеры и прицельные системы работали на максимальной дальности. Пилоты не включали термальные пушки и ионные щиты. Если это всего лишь танк или второсортный автоматон, даже если он увидел их, то не сможет распознать до того, как они окажутся на дистанции огня.

- Устойчивые сенсорные показания, - сообщил Доллоран. - Цель - стационарная. Статус угрозы - янтарный.

Движение отдавалось по всему «Элату». Акастия почувствовала это и усмехнулась. Свобода. Вот что это такое, палец на гашетке орудия перед выстрелом.

- Цель движется! - выкрикнул Доллоран.

- Не остов, - ответила Акастия. Сенсорный сигнал двигался. Энергетические показания стремительно росли. Красные, множась.

- Всплеск энергии! Честь предков, это действующий пустотный щит.

- Он увидел нас, - сказала Акастия. - Поднять ионные щиты. Зарядить орудия.

«Элат» задрожал, когда вспыхнул щитовой покров, зарядился верхний тяжелый стаббер, а в пику хлынула энергия. А затем неожиданно появилось оно - на левом фланге, сближаясь собственным ходом. Яйцевидный бронированный корпус на тяжелом гусеничном шасси. В его центре сияли красные сенсорные линзы. Вокруг машины мерцал свет, перекатываясь в маслянистые радуги. Это был враг. Он смердел враждебностью. Зазвенели показатели дистанции и захвата цели. Оружейные руны засияли зеленым.

- Атакую! - выкрикнула Акастия и пришпорила скакуна. Тело существа поднялось и развернулось. - Смотри на меня... - пробормотала она. Оружейные гондолы развернулись на металлических щупальцах. - Вот так. - Она открыла огонь из тяжелого стаббера. Снаряды устремились к машине. Хлестнули лучи, но Акастия уже прыгала в сторону, продолжая держать врага в прицеле. Снаряды впились в щит машины. Воздух вокруг нее расколола черная молния. Лучи врага ударили в землю, где только что находился «Элат». Пыль и гравий выгорели до стеклообразного состояния. Ауспик вскипел помехами. Обзорные экраны почернели. Боль впилась в голову, когда по нейронным соединениям шлема пронеслась обратная связь. На секунду Акастия почувствовала, как балансировка «Элата» нарушилась, стрельба из стаббера прерывалась.

- Дерьмо! Дерьмо! - Машина ускорялась, ее щитовая оболочка искажала воздух вокруг нее. - Это машинное отродье.

- Приближается, - доложил по воксу Доллоран. - Направляется к тебе.

Она снова выругалась, не побеспокоившись отключить вокс, и пришпорила скакуна до максимальной скорости. Верхняя часть корпуса «Элата» повернулась, ноги превратились в размытое пятно, одно металлическое копыто едва касалось земли. К ним устремился следующий луч. Ее ионный щит поднялся как раз вовремя, чтобы принять удар. Вспыхнул белый свет. Акастия внутри кабины прикусила губу, когда в голове завизжала обратная связь.

Машинное отродье. Силика анима. Еретическая конструкция. Машина горя. Вот чем была эта добыча. Некогда негласные грезы, созданные техножрецами-раскольниками Марса, а теперь размноженные и отправленные в бой из лагерей Темного Механикума, окольцевавших Дворец. Управляемые запрещенным искусственным разумом и вооруженные оружием, которое объединяло материальное с нематериальным и попирало реальность, которая терпело ее. Они были среди худших видов оружия, задействованного врагом. Их формы были разнообразными и постоянно меняющимися, но всегда смертоносными. Одиноким рыцарь-оруженосец был им не ровня. Даже Акастия признала бы, что ей не следовало атаковать такую машину в одиночку. Но она была не одна.

«Киллар» стремительно приблизился, двигаясь боком по спрессованному щебню. На пустотном щите отродья вспыхнули попадания стаббера. Противник наполовину развернулся, оружейные гондолы поднялись, словно змеи. Доллоран не стал ждать, пока враг откроет огонь, он был достаточно близко к нему. Тепловая пика «Киллара» завизжала. Воздух прочертила полоса синего жара. Щит вражеской машины вспыхнул. Затрещала черная молния. Находящаяся в трехстах метрах Акастия почувствовала в голове чей-то вопль.

- Щит отключился, - закричал Доллоран.

Прицельная руна перед глазами Акастии стала зеленой. Она нажала спусковой крючок. Вражеская машина поднялась, ее форма мерцала и расплывалась, как пятно краски под дождем. Тепловая пика «Элата» метнула луч, пронзивший воздух там, где должен был находиться металл.

- Дерьмо! - выругалась Акастия. Прицельный экран превратился в туман из красных осколков.

- Где отродье? - раздался голос Доллорана. - Где оно, проклятье?

Акастия собралась ответить. Массивная машина появилась из пиксельного тумана, приближаясь, ускоряясь, ее оружейные гондолы светились. Акастия активировала ионный щит «Элата». Враг открыл огонь. Вокруг рыцаря полыхнул свет. Ионный щит с оглушительным грохотом отключился. Кабину залил красный свет. Акастия ощутила вкус крови. Ее скакун сбился с шага, раскачивался. Экраны заполнили помехи. Звучали сигналы тревоги. Акастия почувствовала, как качается голова, словно от удара. Красный свет, помехи и рев приближающийся смерти. Вот и все. Конец. Она поняла, что не жалеет.

Слух наполнил звук выстрела орудия.

Тяжелые попадания неподалеку, один за другим, звуки наслаиваются друг на друга. «Элат» восстановил равновесие, и Акастия отправила его по кругу, все еще живая, в ушах и голове по-прежнему звенело. Отродье тряслось, бронеплиты деформировались от попаданий.

- Убей его, - раздался по воксу голос Плутона. Приближался «Тавмант», руки-орудия всаживали снаряды во вражескую машину. Она все еще двигалась, жидкость вытекала из дыр, в оружии росла энергия. Акастия бросила «Элата» вперед. Цепной клинок на левой руке раскрутился до размытого пятна за миг до того, как она погрузила его в центр вражеской машины. Акастию затрясло в ее кресле вместе со скакуном. Зубья вгрызлись во врага. Машина дернулась, когда Акастия вдавила вращающиеся зубья в ее сердцевину.

- Отходи! - закричал Доллоран. Акастия вырвала клинок из верхушки отродья и отпрыгнула назад. Ни на секунду раньше. Плазменное ядро машины расколосось. Вырвалось раскаленное пламя. Металл превратился в жидкость, в газ, в пепел.

Акастия тяжело дышала, сердце колотилось.

- Моя победа, - выдохнула она сквозь сжатые зубы.

- Твоя, - раздался холодный голос Плутона. - И она едва не стояла жизни тебе и «Элату». - «Тавмант» направился вперед, продолжая целиться в обломки машины. - Тебе стоило дождаться нас, заманив его на наши орудия.

- Придержи язык, - прорычала она, и почувствовала, как «Элат» в ответ активировал цепной клинок.

- Говорю, как есть.

- Почему он был один? - вмешался голос Доллорана. «Киллар» уже двигался, направляясь на север по дуге, голова и орудие сканировали местность. Видимость стремительно уменьшалась, по земле густым покрывалом растекалась тень.

- Что? - В голове Акастии все еще стоял туман от нейроотдачи. На миг, на прекрасный миг, она подумала, что все прекратится.

- Такие машины не ходят поодиночке, слишком слабые для этого. Слишком легкая добыча для ведения одиночной охоты.

Акастия дернулась, вдруг почувствовав озноб. Она развернула «Элату», его сенсоры работали на максимальной дальности, пока она осматривала темнеющую местность. То же делал Плутон, выдвинув «Тавманта» на одну линию с родичем по копыю.

- Я ничего не вижу, - сказал Плутон.

Акастия почти повторила его слова, когда увидела их - красные и яркие точки на экране ауспика.

- Враг, - сообщила она. - Тысяча сто метров, угол шестьдесят градусов и сужается.

- Я поймал его, - ответил Доллоран. - Считаваю активированное оружие, металлический корпус, теплоотдачу. Он большой. Бронированная единица?

- Мы уничтожим его, - заявила Акастия и направила «Элату» вперед.

- Стойте, - отозвался Плутон.

- Это приказ, - прорычала Акастия. - Мы убьем врага.

- Посмотри, - сказал Плутон сдержанным голосом. - Посмотри своими глазами, как ты делаешь на рассвете.

Что-то в голосе старика удержало ее от ответа. Она моргнула, остановила «Элату» и переключила экраны на неотфильтрованный внешний обзор.

На темнеющей местности было тихо, перемолотые обломки зданий расходились низкими холмами к точке исчезновения. Ничего. Совсем ничего. Только последний покидающий мир свет, придающий воздуху фиолетово-черный тон. Затем она увидела. Свет. Желтый, сжатый до булавочного острия вдалеке. Затем еще один, появившийся с мерцанием. Затем россыпь огней вдоль границы лилово-черного неба, поднимающихся, словно искры от горящего леса. Ауспик начал звенеть. На экранах сенсоров посыпал снег из красных рун.

Это была не колонна. Это была волна, растекающаяся по земле, с востока на запад. Бронетанковые

части, грузовые машины, шагоходы-автоматы, титаны, воздушной прикрытие облаком светляков, все двигалось вне пределов видимости со стен Дворца. Не останавливаясь. Вибрация теперь сотрясала землю и каркас кабины Акастии. Он сглотнула пересохшим ртом.

Расстояние от стены до врага: 150 километров, приблизительно.

1. Стихотворение Дж.Байрона.

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Мортис_/_Mortis_\(роман\)&oldid=17322](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Мортис_/_Mortis_(роман)&oldid=17322)

Эта страница в последний раз была отредактирована 11 июля 2021 в 21:08.